

Министерство общего и профессионального образования РФ

**Брянский государственный педагогический университет
имени академика И.Г.Петровского**

ГОРБАЧЕВ О.В.

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ
МИГРАЦИИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ЦЕНТРАЛЬНОГО НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ
(1946—1970 гг.)**

Брянск

1999

ББК 63.3 (2Р-4Р)

Г – 78

ГОРБАЧЕВ О. В. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ МИГРАЦИИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ (1946—1970 гг.) — Брянск: Издательство Брянского государственного педагогического университета, 1999. — 96 с.

ISBN 5–88543–089–6

В монографии рассматриваются экономические причины и условия сельской миграции в областях нечерноземного Центра в послевоенные десятилетия. Подробно говорится о состоянии хозяйства областей Центра, о последствиях проводимой экономической политики, характеризуется уровень материального благосостояния крестьянства региона.

Книга рассчитана на историков, демографов.

Рецензенты:

Платунов Н.И., доктор исторических наук, профессор (Брянский госпедуниверситет).

Петров Е.В., кандидат исторических наук (Санкт-Петербургский государственный университет).

Печатается на основании решения кафедры отечественной истории Брянского государственного педагогического университета им. И.Г.Петровского.

© О.В.Горбачев, 1999 г.

Подписано в печать 10.06.99. Формат 60х84 1/16.

Усл.п.л. 6,0. Тираж 200 экз. Заказ № 4/5

Издательство Брянского государственного педагогического университета им. И.Г.Петровского.

241036, Брянск, Бежицкая, 14.

ЛР 020070 от 25.04.97 г.

Отпечатано в подразделении оперативной типографии БГПУ.

ВВЕДЕНИЕ

Пристальное внимание к путям совершенствования аграрной сферы экономики, а также повысившийся в последние годы интерес к облику современного крестьянства делают актуальным обращение к особенностям социального развития села в послевоенные десятилетия. Многие отрицательные тенденции, имеющие место в сегодняшней деревне, достаточно обоснованно воспринимаются как последствия ошибок в аграрной политике, ненаучного подхода к проблемам сельского хозяйства.

Кроме того, при рассмотрении социальных проблем села неизбежно анализируются региональные особенности развития, исторически сложившиеся условия хозяйствования. Одновременно на новый уровень выдвигается проблематика Центрального района России.

Вопросы развития Нечерноземной зоны России очень долго не привлекали внимание исследователей. Наиболее традиционным был подход, при котором региональные проблемы иллюстрировали те или иные положения в работах, посвященных характеристике процессов на макроуровне — по республике, либо по стране в целом¹.

Провозглашение Нечерноземья в 1974 г. одной из зон приоритетных экономических интересов вызвало появление лавины литературы. За вычетом книг и публикаций откровенно конъюнктурных, в большинстве оставшихся ставилась задача определения степени тяжести создавшегося положения и путей выхода из него. Вполне естественно, что основными разработчиками этой темы стали экономисты и специалисты по сельско-

му хозяйству. При сопоставлении с периодом второй половины 40-х — 60-ми гг. становится очевидно, что именно на 70-е гг. приходится основное количество научно значимых публикаций, посвященных развитию села вообще².

Актуализации предмета неизбежно способствовали и исторические исследования. Целью авторов очень часто был показ динамики развития материально-технической базы общественного производства, темпов роста экономических показателей колхозов и совхозов и т.п. Социальные вопросы несли вспомогательную нагрузку, а крестьянство рассматривалось лишь с точки зрения его производственной функции. Причиной такого подхода послужило, видимо, догматическое восприятие триады индустриализация—коллективизация—культурная революция в качестве универсальной схемы классификации направлений исследования.

Эта тенденция в основном сохранилась до начала 80-х гг., и исключения лишь подтверждали правило. Так, достаточно полная для своего времени социальная характеристика крестьянства дана в работе А.В.Воронцова, озаглавленной «Завершающий этап культурной революции на селе»³. Подобная тематическая заданность изначально ограничивала поле деятельности исследователей, и к тому же позволяла неудобные факты интерпретировать в качестве исключений.

С начала 80-х гг. стали появляться работы, лишенные названного недостатка. Четче обозначились признаки неформального интереса к проблеме, пропал налет социального заказа. Авторы пытались рассмотреть ситуацию комплексно, что немедленно дало свои результаты. Исчезла однолинейность в изображении, а также неизбежная при прежнем подходе излишняя дидактичность. Определенным этапом в изучении темы стал выход в свет четвертого тома «Истории советского крестьянства», охватившего период с 1945 по 1960 гг.⁴ Очевидно, его следует воспринимать в качестве труда, обобщающего достижения советской историографии. При бесспорной научной значимости многих приведенных фактов следует, однако, признать, что приведенная в работе социальная характеристика крестьянства не может считаться удовлетворительной с точки зрения современного исторического знания.

Несомненный интерес вызывают работы О.М.Вербицкой, отличающиеся взвешенностью суждений и широтой источниковой базы⁵. Должны быть также упомянуты диссертации Н.С.Иванова и В.П.Попова, являющиеся по сути двумя частями исследования на одну тему⁶. Историко-графическая работа Ч.Э.Сымановича позволила суммировать опыт изучения социальной структуры послевоенного советского села. Одновременно автором предпринята небезуспешная попытка углубленного анализа взаимодействия экономической и социальной сфер жизни деревни⁷.

Новый этап в освещении проблем села начался в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Основные усилия исследователей сосредоточились на концептуальном переосмыслении предмета. Следует упомянуть материалы «круглого стола» по вопросам аграрного развития с участием ведущих российских и зарубежных историков, которые течение ряда лет публикует журнал «Отечественная история». Заметным явлением стала монография О.М.Вербицкой «Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву»⁸. М.А.Безнин рассматривает тему крестьянского землепользования и материального благосостояния крестьянской семьи в 50-е — 60-е годы на примере Центрального района⁹. Необходимо отметить также работу В.В.Наухацкого, посвященную анализу аграрной политики СССР в 60-е — 80-е гг.¹⁰

На 1989—1990 гг. пришелся пик публикаций, в которых делались попытки осмысления современной ситуации с точки зрения прошлого экономистами, социологами, публицистами. В той или иной форме они касались и проблем села Нечерноземья¹¹.

Таким образом, можно видеть, что историческая литература, касающаяся развития послевоенного села Центральной России, и в частности, его социальной сферы, разнообразна, хотя и не очень многочисленна. Представляется, что в целом эта тематика разработана недостаточно. Задачу заполнения одной из очевидных лакун в истории региона должна решить настоящая работа.

Каждый, кто сталкивается с проблематикой Нечерноземного центра, знает, что основным фактором, определявшим его развитие в течение нескольких последних десятилетий, был отток сельских жителей в города. Между тем до сих пор не сделано попытки выявить в исторической рет-

роспекции специфику этого процесса, зависимость интенсивности его протекания от состояния производственно-хозяйственной сферы.

Целью данной работы является выяснение экономических причин интенсивных миграционных процессов, имевших место в деревне Центрального Нечерноземья в послевоенные десятилетия.

В связи с этим представляется необходимым:

во-первых, определить географическую и поселенческую специфику региона для выявления соотношения наиболее желательной и фактической моделей ведения хозяйства;

во-вторых, охарактеризовать хозяйственное состояние региона, содержание политики в сфере сельского хозяйства, проследить динамику экономического и социального развития села с целью выявления факторов миграционного оттока населения;

Реализация поставленных задач должна способствовать более глубокому пониманию сущности процесса сельской миграции в Нечерноземье. Существующие на этот счет представления достаточно схематичны. От полного игнорирования демографических проблем Нечерноземья общественное мнение перешло к эсхатологической риторике в оценке будущего здешней деревни. Однако анализ состояния лишь центральной части Нечерноземной зоны позволяет сделать вывод о разных масштабах негативных явлений, а иногда и заставляет пересмотреть устоявшиеся представления. Так, вполне очевидно, что целый ряд областей нечерноземного Центра, в том числе Брянская, Калужская, Орловская на протяжении по крайней мере двух послевоенных десятилетий имели «лишнее» сельское население и в организованном порядке поставляли рабочую силу на восток страны без ущерба для себя.

Кстати, невнимание к изучению демографической ситуации в Нечерноземье в 40-е — 60-е гг. в какой-то степени объясняется тем, что недостаток рабочей силы в восточных районах нацеливал большинство исследователей на изучение миграционных процессов именно на Востоке. Районы Европейской части РСФСР, считавшиеся трудоизбыточными, или более или менее благополучными с точки зрения обеспеченности трудовыми ресурсами, изучались слабо.

Вышеназванные исторические исследования, особенно те из них, в которых обращается внимание на взаимовлияние хозяйственных структур и социальной сферы села, способны служить отправной точкой в предпринятой работе. Они отчасти помогают выяснить, каковы были основные причины и факторы миграции, подводят к идентификации ее непосредственных мотивов. Бросается в глаза, однако, недостаточность такой базы. И речь идет не только о необходимости специального обращения к архивным источникам. Выполнить задачу исследования невозможно без анализа опыта, накопленного в соответствующей, экономической, социологической, географической литературе.

Отдельно следует сказать об исследовании собственно миграции. Проблема сельской миграции долго не привлекала исследователей. В досоветское время сведения по перемещениям населения можно было найти в земской статистике. Довольно широко дискутировался переселенческий вопрос, особенно в связи со столыпинской реформой. Затем интерес к теме угас. После долгого перерыва, на рубеже 20-х — 30-х гг., появилось несколько работ И.Воробьева, П.Мещерякова и некоторых других авторов, посвященных статистике переселений. Сельская миграция при этом не выделялась.

С середины 1950-х гг. миграцию изучали многие исследователи. Только за 1961—1965 гг. вышло около 30 работ, посвященных этой теме. Их авторами были географы, статистики, экономисты. Со второй половины 60-х годов сельская миграция становится предметом интереса социологов.

Все эти работы изданы в годы, рассматриваемые в рамках нашей темы. Таким образом, они представляет самостоятельный интерес для историка и могут быть квалифицированы как исторические источники¹². Авторы, как правило, рассматривали современную им ситуацию, но при этом нередко использовали данные прошлых лет с целью их сравнительного анализа, решая задачу выявления общих тенденций в демографических и иных процессах¹³. Такие работы поэтому здесь также очень полезны.

Нельзя проигнорировать и издания другого рода. Теоретическая основа изучения сельской миграции на протяжении по крайней мере трех десятилетий формировалась группой сибирских ученых под руково-

дством Т.И.Заславской. Им принадлежит очень значительное количество книг и публикаций¹⁴. Упор в основном на проблематику сибирской деревни делает невозможным в данной работе прямое апеллирование к полученным ими результатам, однако не снижает методологической ценности исследований. В этой же связи надо упомянуть исследования В.И.Переведенцева, Л.Л.Рыбаковского, В.И.Старовойтова, Б.С.Хорева¹⁵. За исключением еще нескольких работ приведенный перечень в основном исчерпывает круг публикаций, представляющихся значимыми с точки зрения целей исследования.

Не со всеми суждениями исследователей 60-х — 70-х годов можно сегодня согласиться. Безусловной ошибкой был вывод о необходимости сселения «неперспективных» деревень, повлекший за собой непродуманные практические действия со стороны руководителей разных рангов. Тем не менее, именно в те годы была заложена теоретико-методологическая база исследования сельской миграции.

Список необходимых опубликованных источников включает документы руководящих органов, в том числе постановления и решения центральной власти¹⁶. Сюда же относятся статистические сборники разного рода. Это издания типа «Народное хозяйство ... области (РСФСР, СССР) в ... году». Существуют также книги, охватывающие большие временные отрезки и выпускавшиеся обычно к юбилейным датам¹⁷. В них содержится информация, позволяющая оценить уровень развития хозяйства в регионе, состояние социальной инфраструктуры и т.п. Недостатком этих сборников является то, что многие из них носили пропагандистский характер, в связи с чем достоверность содержащихся в них материалов может быть подвергнута сомнению. Важным источником служат также материалы Всесоюзных переписей населения 1959, 1970 и 1979 гг.¹⁸

Определение территориальных и хронологических рамок исследования диктовалось следующими соображениями. В Центральное Нечерноземье входят области, составляющие Центральный экономический район. Они занимают значительную площадь и включают в себя территории с различно выраженными структурами — хозяйственными, социальными, демографическими. Тем самым представляется возможность наблюдать разные хозяйственные модели и с большой степенью приближения про-

ецировать их на другие области Российской Федерации. Одновременно становится осуществимым выяснение региональной специфики Центра России — района, играющего огромную роль в жизни страны.

Полагая главной целью исследования выяснение степени обусловленности сельской миграции экономической ситуацией, нецелесообразно ставить нижнюю временную границу ранее 1945 г., поскольку:

1) во время войны передвижения людей между населенными пунктами осуществлялись не только и не столько в силу экономической необходимости; это делает затруднительной корреляцию миграционного оттока с условиями жизни на определенной территории;

2) данные по численности населения и его передвижениям до 1945 г. (а частично и после) недостаточны для анализа из-за недостаточной разработанности статистического инструментария и практики засекречивания итогов обследований.

50-е — 60-е гг. стали, видимо, самыми значимыми десятилетиями для советской послевоенной деревни. *Во-первых*, именно на это время приходится основные попытки реформировать сельское хозяйство (имеются в виду мероприятия 1953, 1958 и 1965 гг.). *Во-вторых*, в этот период в основном произошло разрушение демографической структуры деревни Центральной России. Положительный естественный прирост населения сменился отрицательным, а переезд сельских жителей в города стал массовым явлением. Попытки подъема хозяйства Нечерноземья, предпринимавшиеся в 70-е — 80-е гг., уже не могли изменить ситуацию, а поздняя констатация проблемы не означала нового этапа в развитии региона.

Во второй половине 50-х гг. в основном завершается административное регулирование миграционных потоков, уходят в прошлое массовые переселения, связанные с необходимостью освоения восточных районов РСФСР и целинных земель Казахстана. Дальнейшее межрегиональное движение населения носило сравнительно узкий характер. Поэтому начиная с 60-х гг. представляется возможным анализировать миграционные процессы в селе в их естественной форме, выделить основные тенденции в механическом движении населения, считая, что они исходят, в первую очередь, из сложившейся социально-экономической ситуации в деревне Нечерноземья в этот период.

Существует развитая методологическая база исследования демографических процессов, и миграции населения, в частности. В основном она изложена в теоретических работах авторов-демографов и социологов, упомянутых выше. В течение очень долгого времени сокращение количества рабочих рук в сельской местности интерпретировалось как положительное явление. Такой взгляд был совершенно естественным, особенно с учетом аграрного перенаселения в Европейской России — одной из главных проблем XIX в. Новый подход к оценке сельской миграции не исчерпывался, однако, констатацией ее отрицательного влияния на состояние трудовых ресурсов села. Негативно воспринималась не сама миграция, а лишь ее излишняя интенсивность, сильно опережавшая темпы научно-технического прогресса в сельском хозяйстве. При этом признавалось, что на определенном этапе возникновение дефицита рабочих рук, не покрываемого ростом производительности труда, неизбежно¹⁹.

Наиболее значимой по сравнению со всеми другими формами механического движения населения признается переселение из села в город. Для Центра России эта форма в достаточной степени традиционна, связана она с особенностями размещения производства в регионе и заставила говорить о себе как о массовом явлении еще в прошлом столетии.

В настоящее время миграция в города для подавляющей части территории страны стала фактором, определяющим демографические процессы в сельской местности, именно от нее в основном зависят численность населения, его возрастно-половая структура, размеры естественного прироста.

Кажущаяся стихийность миграций часто заслоняет собой истинную подоплеку этих процессов. Соображения оптимальных форм ведения хозяйства в результате не всегда увязывались с механическим движением населения. В результате концентрация сельскохозяйственного производства с целью построения оптимального механизма хозяйствования часто не ассоциировалась с возможными демографическими последствиями.

Сельские жители мигрировали не только по этой причине. При регулировании миграций неизбежно должно учитываться влияние урбанизации. Ценностные ориентации сельского населения меняются быстрее, чем организация процесса сельскохозяйственного производства. Урбани-

стические жизненные стандарты распространяются на все большую часть сельских жителей, вытесняя в их сознании традиционные приоритеты деревни.

Вышеназванные причины разрушающе действовали на структуру села. Достаточно сказать, что за период между переписями населения 1959 и 1970 гг. количество населенных пунктов в РСФСР сократилось с 705 до 469 тысяч²⁰.

При анализе миграции должны учитываться не только перемещения из села в город, но и другие направления, в первую очередь межрегиональные миграции, а также поток «село — село». Определенное значение имеют также маятниковые и сезонные миграции. Но ни один из этих видов по своему социально-экономическому значению и масштабам не может сравниться с миграцией сельского населения в города. В последние десятилетия, после освоения целины и до второй половины 80-х гг. не приходится говорить о массовых перемещениях трудовых ресурсов в масштабах страны (за исключением, пожалуй, строительства БАМа и КамАЗа). Поэтому понятна тенденция изменения соотношения межрайонной и внутрирайонной миграции в пользу последней. Население склонно мигрировать в привычной среде, а значит, в относительно ограниченных территориальных рамках. Возрастает значимость маятниковой миграции в условиях растущей концентрации производства, и для сверхкрупных городов эта форма движения населения уже стала привычной.

Таковы основные положения, определившие содержание работы. Многообразие имеющихся методик исследования факторов миграционных перемещений позволяет исследователю выбрать подход, в наибольшей степени отвечающий поставленным задачам. Здесь представляется целесообразным использование, хотя и не в полном объеме, критериев миграционного состояния региона, разработанных новосибирской школой социологов²¹, а также некоторых положений предложенной В.И.Староверовым методики системного изучения советской деревни²².

Следует отметить, что специфика исторического исследования потребовала обращения к монографиям И.Д.Ковальченко, Д.К.Шелестова и к некоторым другим подобным трудам²³.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РАЙОН: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ

С Центральным Нечерноземьем совпадает территория Центрального экономического района (ЦЭР). Он расположен в области главного водораздела рек Восточно-Европейской равнины, поэтому имеет удобные речные связи с соседними районами и окраинами. Прежнее название района — Старопромышленный Центр. Исторически оформилось его лидирующее место в экономической системе России. Этому выдвижению способствовала высокая концентрация населения, широкое распространение кустарных промыслов. Промышленный характер района сложился задолго до периода капитализма в России. Бульшая часть областей ЦЭР к XIX в. принадлежала к неземледельчески-промышленным губерниям. В 1879 г. на долю Центра приходилось 42 % крупных фабрик и заводов, 65 % всех рабочих¹. Ведущую роль в развитии района сыграла текстильная промышленность, считавшаяся ведущей отраслью в XIX в. На ее долю в 1880-е гг. приходилось около 80 % промышленной продукции. Второе место занимала пищевая промышленность. Металлообработка и машиностроение играли незначительную роль. Характер традиционных промышленных производств, ориентированных в основном на переработку сельскохозяйственного сырья, позволяет сделать вывод о тесной взаимосвязи города и села. При этом кустарная и мелкая промышленность давали 15—17 % всей валовой продукции фабрично-заводского производства, а занято в ней было почти половина рабочих от их числа на крупных фабриках и заводах².

Иногда ЦЭР называют Московским столичным районом, поскольку его границы проходят примерно в 300 км от Москвы, и лишь четыре области — Брянская, Ивановская, Костромская и Орловская не соприкасаются с Московской. Центральный район вместе с Центрально-Черноземным и Волго-Вятским составляют Центр России. ЦЭР является ведущим по численности населения, производственному, научному и культурному потенциалу.

В природном и экономическом отношении Центральный район очень неоднороден. Хозяйство характеризуется мозаичной структурой, еще усилившейся в советское время. На его территории чередуются зоны ополей, где ведется интенсивное земледелие, кустарных промыслов, речные долины с молочным животноводством и овощеводством, городские агломерации. Нередко рядом размещаются территории-антиподы, даже в пределах одной области, например, Владимирское ополье соседствует с лесной Мещерой. Достаточно высоким индустриальным уровнем характеризуются Владимирская, Ивановская, Московская, Тульская, Ярославская области.

Район составляют четыре основные части: 1) ядро — Москва и Подмосковье (совпадает с Московской областью); 2) Старопромышленный Северо-Восток; 3) Юг ЦЭР; 4) Запад ЦЭР³.

1. **Ядро** вообрало в себя все характерные черты Центра в целом. Занимая 9 % территории района, оно сосредоточивает 50 % его населения. Здесь, на территории 9 тыс. км², расположено около 80 городов, составляющих столичную агломерацию. В компактной системе городских поселений развиваются предприятия, как правило, дополняющие московские. В городах-спутниках сформирована развитая учебная и научная база. Наиболее значительные московские предместья находятся в северо-восточном, восточном и южном направлениях. Выделяется также отраслевая группировка промышленных производств в ближнем Подмосковье. Сельское хозяйство носит здесь выраженный пригородный характер. Широко распространено животноводство.
2. **Старопромышленный Северо-Восток** составляют Ивановская, Костромская, Владимирская и Ярославская области. Во второй половине XX в. лицо этой территории определяется уже далеко не только текстильным производством. К текстилю добавились и другие отрасли. Это один из наиболее насыщенных промышленных и плотнозаселенных районов ЦЭР. В приволжской полосе от Рыбинска до границы с Волго-Вятским районом крупная промышленность сочетается с развитым сельским хозяйством на плодородных пойменных землях. Ключевое место здесь занимает *Ярославль*. При том, что сельское хозяйство Ярославской области не играет серьезной роли, в областном центре со-

средоточено немало крупных промышленных производств. Наиболее давнюю традицию развития кустарных промыслов, особенно ткацкого, имеет *Иваново*, поскольку почвы здесь не отличаются высоким плодородием, и сельское хозяйство не могло прокормить население. В последующем большинство городов и рабочих поселков вокруг Иванова развивались как звенья текстильного комплекса. Город *Владимир* выделяется как центр тяжелого машиностроения и выступает партнером по отношению к Москве. Очень большая по площади *Костромская область* находится на некотором удалении от важнейших индустриальных узлов, энергетических центров и транспортных магистралей, а потому промышленность здесь развивалась медленнее. Основную роль играет лесная промышленность, а также льноводство. По территории Северо-Восточных областей протекает граница между Русским Югом, способным прокормить себя собственным хлебопашеством, и Севером, основой экономики которого издавна считались молочное животноводство, льноводство и промыслы.

3. Юг Центрального экономического района — орловская, тульская и рязанская лесостепь. Это давняя житница Центра. К востоку от *Тулы* расположен Подмосковский угольный бассейн, и потому здесь имеется большое количество шахт, электростанций, дорог, близко расположенных друг к другу городов. Ядром старейшего угледобывающего района является город Новомосковск. В результате массового переселения жителей в начале XX в. здесь сложилась крупная тульско-московская агломерация, которая сейчас насчитывает около 1 млн. жителей. По мере того, как запасы угля исчерпывались, предпринимались попытки изменить специализацию. Кризисные явления наблюдались и в сельском хозяйстве — уже в XIX в. в связи с развитием степного земледелия на юге Центра появилось большое количество «лишних» крестьян, которые пытались найти применение своим силам в крупных городах. В результате не менее четверти теперешних московских жителей — выходцы, или потомки выходцев из *Рязанской области*. В настоящее время сельское хозяйство носит выраженный пригородный характер и по-прежнему является ведущей отраслью. Несмотря на то, что знаменитые орловские черноземы изрядно истощились, урожаи пшеницы и ржи

здесь в 2,5—3 раза выше, чем в среднем по России. *Орловская область* занимает первое место в ЦЭР по поголовью скота. Все это позволяет иметь стабильный запас продовольствия и поддерживать неплохой уровень благосостояния местных жителей.

4. **Запад ЦЭР.** Сюда входят Тверская (бывшая Калининская), Смоленская, Калужская и Брянская области, которые отличает сходство природных условий — повышенная лесистость, следы ледниковой деятельности в ландшафте, а также общность транспортно-географического положения. Области Запада всегда страдали в ходе военных нашествий, и особенно сильно — в годы Великой Отечественной войны. Это транзитная территория, через которую протекает путь из Москвы на Запад, а также с Азова на Балтику. Полосы концентрации хозяйства и городов располагаются вдоль транспортных осей Москва — Санкт-Петербург, Москва — Минск, Москва — Киев. Несмотря на наличие крупных промышленных предприятий, традиционно серьезную роль играет сельское хозяйство. *Брянск* считается крупным транспортным узлом, а промышленность изначально обслуживала здесь транспортные нужды. К югу от Брянска расположена зона мелких ополей в лесной по преимуществу зоне. *Калужская область* из-за количества проходящих через ее территорию магистралей занимает совершенно особое положение. Главные отрасли промышленности — железнодорожное машиностроение и деревообработка. Сельское хозяйство в основном пригородного типа. *Смоленскую область* из-за ее пограничного положения в 20-е — 30-е гг. обошла стороной индустриализация, а в годы войны она наиболее пострадала. Тем не менее, в 60-е — 70-е годы промышленность развивалась здесь очень динамично. Наибольшая концентрация населения и хозяйства — вдоль транспортной оси с востока на запад. Огромные площади отведены под посевы льна. Это же характерно и для *Тверской (Калининской) области*, самой крупной в Центральном районе. Своей большой площадью она обязана включением большого количества «ничейных» земель между Ленинградом и Москвой. Развитие хозяйства затруднено из-за неудобного водного сообщения, наличия болот (1/10 территории) и малоплодородных земель.

Хотя сама Тверь считается крупным машиностроительным центром, промышленных гигантов здесь нет.

Плотность населения по областям Центрального района различна. Традиционно наиболее плотно заселены Московская (даже без учета Москвы), Ивановская, Владимирская области (ок. 100 чел. на 1 км²), наименее — Костромская (15 чел.), Калининская и Смоленская области (21–22 чел. на 1 км²)⁴. Городского населения больше, чем сельского в Ивановской, Тульской, Ярославской, Владимирской, Московской областях (без Москвы). Здесь проживает около 40 % всех городских жителей района. В Рязанской, Смоленской, Брянской, Калужской, Костромской, Орловской областях преобладает сельское население⁵.

Для Центрального района в целом характерна густая сеть поселений, причем крупные сельские поселения относительно редки. Средние размеры сел — 120 чел. на одно поселение в 1970 г. Для сравнения: в черноземной зоне на одно поселение приходилось 485 человек⁶. Если сравнить людность сельских поселений сопредельных областей без учета административных границ, то станет ясно, что она убывает с юга на север. Село российской черноземной зоны и области Украины наиболее многочисленны. Смоленская область начинается с собой зону мелких поселений, которая тянется затем на северо-запад России и в Прибалтику. Характерно при этом, что существуют различия в плотности расселения даже в границах отдельно взятых областей, при этом южные районы часто более плотно заселены, чем северные. Очень хорошо эта тенденция проявляется, например, в Калужской области. Мелкие населенные пункты располагаются здесь преимущественно в районах, граничащих со Смоленской областью, т.е. на северо-западе, а в центральных и южных, прилегающих к Брянской области районах, преобладают более крупные поселения⁷. В начале 70-х гг. в Смоленской области количество жителей на кв. км изменялось от 10 на юге до 5 и менее на севере. Центральные районы, самые промышленно развитые, правда, нарушали картину — здесь средняя плотность была 15–17 чел. на кв. км⁸.

Какие последствия влечет за собой такая тенденция? Непрерывающийся отток жителей из и без того малолюдных северных районов Смоленской области (причина — высокая заболоченность и лесистость)

вызывает хозяйственную переориентацию, делаются попытки промышленного развития территории, и это при очень низком уровне урбанизации, что не выглядит естественным. Сходная ситуация наблюдается в областях Северо-Запада — Псковской, Новгородской, Тверской⁹.

В Центральном районе к черноземному типу тяготеют Брянская и Рязанская области, среднее положение занимают Орловская, Тульская, Калужская и Владимирская, а наименее людны Смоленская, Калининская, Ярославская и Костромская области¹⁰. Большое количество крупных сел имеется также в Московской области, что имеет особые причины, связанные не столько с традициями ведения сельского хозяйства, сколько со спецификой зоны, окружающей мегаполис.

Соответственно различается доля сельского населения, живущего в мелких населенных пунктах (до 100 жителей). В конце 50-х годов в них проживало от 41 до 50 % сельских жителей Смоленской, Ярославской, Калининской, Ивановской и Костромской областей¹¹.

Большинство областей ЦЭР, кроме Рязанской, Орловской и Тульской, относятся, по классификации С.А.Ковалева, к III типу сельского расселения. Для него характерно расселение в полосе выборочного земледельческого освоения лесной зоны, мелко- и среднеселенные, группирующиеся в малые и крупные заселенные ареалы («пятна» заселения)¹². Для земледелия в этом случае используется до 40 % территории, значительная часть пашни раздроблена, поля перемежаются лесом, долинами рек с пойменными лугами, заболоченными низинами и др. Такой характер расселения исторически сложился в ходе постепенной распашки и заселения бывших лесных территорий, причем использовались по преимуществу земли, не нуждавшиеся в мелиорации, более плодородные или выгоднее расположенные по отношению к основным путям сообщений и древнейшим очагам заселения.

Раздробленность пашни и необходимость постоянного внесения органических удобрений для поддержания бедных подзолистых почв (а значит, скотные дворы должны были располагаться возможно ближе к полям) способствовали развитию преимущественно мелкоселенной формы расселения. До крупных размеров здесь вырастали, как правило, промышленные, кустарные и фабричные села, местные торговые и транспортные

центры. При этом наиболее мелкоселенной считается Калининская область, тяготеющая к северному Псковско-Витебскому подтипу с преобладанием малых ареалов заселения. В то же время для Брянской и Ивановской областей более характерны средние и крупные поселения, происхождение которых, однако, различно. В неплодородной Мещере большое количество несельскохозяйственных населенных пунктов, Брянский же подтип расселения является скорее переходным к черноземному, а значит, носит аграрный характер.

Рязанская, Орловская и Тульская области относятся к Орловско-Тульскому подтипу IV типа сельского расселения, включающего районы сплошного земледельческого освоения в лесостепной и степной зонах, с большими массивами пашни и преобладанием крупных поселений вблизи рек или оврагов. Распаханность здесь варьируется от 50 до 80 %. Орловско-Тульский подтип считается переходным от системы отдельных ареалов к повсеместности пашни и селений. При высокой общей распаханности пахотные земли здесь сильно расчленены овражно-балочной сетью, глубокими долинами рек¹³.

В течение долгого времени было возможным говорить отдельно о городском и сельском типах расселения, имея ввиду их относительную независимость друг от друга. В первые послевоенные годы сохранялось именно такое положение вещей. Со временем характерный для города процесс концентрации населения в ограниченных точках стал распространяться и на сельскую местность. Появилась возможность говорить о складывании нового типа расселения, объединявшего городское и сельское население на относительно небольшой и плотно заселенной территории. Теоретически возможный положительный эффект, однако, при этом не достигался, так как не соблюдался баланс трудовых ресурсов и не происходило параллельного адекватного развития материально-технической базы сельского хозяйства¹⁴. Зато на первый план вышли резкие перепады в уровнях развития города и села. Не видя выхода из складывавшейся ситуации, при прогрессирувавшем отставании села, в конце 60-х — начале 70-х гг. власти предприняли попытку форсирования происходивших процессов с целью достижения достаточно туманной

перспективы концентрации сельского населения вокруг крупных населенных пунктов с развитой инфраструктурой.

Практика сселения из «неперспективных» деревень не улучшила, и в принципе не могла улучшить ситуацию. Не предвидя возможных негативных последствий своих действий, преобразователи затронули основу благополучного землепользования. Первоначальное расселение в сельскохозяйственных районах было стихийным, но оно не могло не учитывать местных природных и климатических особенностей, а потому представляло собой оптимальный вариант. Ограниченные размеры распаханых участков предопределили рассредоточение жителей в небольших населенных пунктах, расположенных на расстоянии 2—3 км один от другого¹⁵. Такое расселение, сложившееся в XVIII—XIX вв., обеспечивало наиболее эффективное использование природных ресурсов.

Там, где здравый смысл побеждался соображениями сиюминутной практической выгоды и политической целесообразности, расплата наступала неизбежно. Еще одно подтверждение тому — окончательная ликвидация в конце 40-х гг. единоличных хозяйств, которые располагались на отдельно стоящих усадьбах и в малых населенных пунктах — решение, приведшее к выводу из сельскохозяйственного оборота тысяч гектаров обрабатываемой земли¹⁶. В этом же ряду — не всегда оправданные укрупнения колхозов и другие подобные мероприятия. Замкнутая система, которую представляет собой каждый населенный пункт в Нечерноземье, разрушается при таких вмешательствах. Вполне естественно, что жители малых поселений реагировали на это уходом из обжитых мест. Закладывалась основа для иных жизненных стандартов, приведшая впоследствии к переориентации на городской образ жизни.

Разрушение сети мелких поселений и концентрация населения вследствие этого в немногих населенных пунктах может создать иллюзию о существовавшей изначально равномерности расселения в центральном Нечерноземье. Это не так. Для Брянской, Рязанской, Владимирской, Костромской областей характерна разреженная сеть сельских поселений. Возникновение и развитие многих из них обязано сочетанию сельского хозяйства и различных промыслов, а также появлению небольших промышленных предприятий, работавших на местном сырье.

Наибольшей густотой сельских населенных пунктов отличаются Ярославская и Ивановская области. Среди оставшихся Смоленская область, также находящаяся в полосе выборочного заселения лесной зоны, выделяется тем не менее большей распаханностью. Здесь густая сеть мелких населенных пунктов, крупных же сел всего несколько десятков¹⁷.

Как можно судить по данным переписи 1970 г., наиболее распространенный размер сельских населенных пунктов в Центральном районе — от 25 до 50 и от 50 до 100 человек. Эта тенденция справедлива и для отдельно взятых областей — Калужской, Ивановской, Смоленской. Для Брянской, Владимирской, Орловской, Московской, Рязанской и Тульской характерны уже более крупные поселения — от 50 до 100 и от 100 до 200 человек. В Калининской, Костромской, Ярославской областях, напротив, очень много мелких сел — от 10 до 25 человек. Здесь, а также в Смоленской области — наибольшее количество мельчайших поселений (до 5 человек). Больше других крупных и самых крупных поселений имеют Московская, а за ней с большим отрывом — Брянская и Рязанская области¹⁸.

Сельское расселение Московской области довольно специфично. Со временем здесь сложилось полюсное расселение. С одной стороны, сохранилось довольно большое количество мелких и мельчайших населенных пунктов (на что не повлияла даже кампания по сселению из «неперспективных деревень»), с другой, все большее количество сельского населения стало концентрироваться в крупных и очень крупных селах. Что касается последнего обстоятельства, то здесь действовала общая тенденция, еще усиленная влиянием мегаполиса. Секрет же выживаемости мелких сел в том, что в Московской области они выполняют подчеркнутую рекреационную, а не хозяйственную функцию. Такой эффект возможен только вблизи больших городских агломераций.

Необходимо отметить, что данные плотности сельских поселений лишь косвенно позволяют судить о реальной плотности населения. Большое количество небольших сельских населенных пунктов в Ярославской, Калининской и Смоленской областях оказывается менее важным в сравнении с густотой городских поселений. Этот показатель выво-

дит в абсолютные лидеры Московскую область, а вслед за ней — Брянскую и Рязанскую¹⁹.

Надо сказать, что наличие сети малых городов характерно для Нечерноземья в целом. Здесь размещается 53,3% малых городов от их общей численности по Российской Федерации²⁰. В названных областях, таким образом, эта тенденция лишь усилена.

Довольно благополучные демографические показатели, характеризующие Брянскую, Рязанскую, а также Орловскую области и выразившиеся в преобладании средних по размеру населенных пунктов над мелкими, казалось бы, позволяют говорить о существовавшей в начале 70-х гг. неплохой перспективе сохранения населения. Однако, сделанные десятилетием позже выводы ставят эти территории в число регионов, где проблема стабилизации сельских жителей особенно актуальна²¹. Распространенность городских поселений создала деревне Юга ЦЭР репутацию благополучной и сыграла тем самым роль мины замедленного действия. С разрушением сельского уклада малые города неизбежно стали привлекать внимание сельских жителей, и решиться на переезд в них бывшему крестьянину было не в пример легче, чем в крупный город.

Если малые села обязаны своему существованию, как правило, сельскому хозяйству (исключение — Московская область), то в средних по размеру населенных пунктах соседствуют сельскохозяйственное и промышленное производства. В начале 80-х гг. 85,8 % малых городов Нечерноземья имели хотя бы одно предприятие агропромышленного типа, а в районах меньшей концентрации населения таких районов было 95,8 %²².

Менее значительным влияние промышленных производств было на село западных и южных областей ЦЭР. Более слабый уровень развития местной промышленности по отношению к остальной территории центральной зоны привел к тому, что удельный вес проживающего на селе несельскохозяйственного населения здесь значительно уступал среднерегиональному и примерно соответствовал общесоюзному уровню²³.

Области Центра именно в силу различий в поселенческой структуре в разное время вступили в полосу наибольших потерь сельского населения. Регионы с преобладанием небольших населенных пунктов в струк-

туре расселения (Калининская, Костромская, Ярославская и Смоленская области) раньше других испытали на себе пагубные последствия избыточной миграции в города. Причем на Смоленщине решающую роль сыграл фактор чрезвычайно сильного сокращения численности местного населения в годы войны. Положение здесь в результате сложилось настолько серьезное, что для его исправления потребовалось даже специальное правительственное вмешательство²⁴.

На другом полюсе — области юга ЦЭР (Брянская и Орловская), демографическая ситуация в которых долгое время не внушала серьезных опасений. К этой группе могла бы быть отнесена и Рязанская область, но мы видели выше, что традиция переездов местного сельского населения в города сформировалась в ней много раньше рассматриваемого периода, что не могло не сказаться на демографической структуре. Если миграционный отток из села северных областей ЦЭР и Смоленской области стал внушать серьезные опасения уже в конце 50-х — первой половине 60-х годов, то до юга района эта волна докатилась только в 70-е — 80-е годы. Как увидим дальше, большим количеством резервов сельского населения, чем соседи, располагала Брянская область. Процесс укрупнения населенных пунктов шел здесь поэтому быстрее²⁵. Это имело вполне определенные последствия. Росла доля лиц, занятых вне сельского хозяйства. Существующая закономерность предусматривает, что в поселениях, имеющих менее 500 жителей, их количество не превышает 9 %, в имеющих от 500 до 1000 жителей их уже 18 %, а там, где число жителей более 1000, занятых в несельскохозяйственных отраслях 25 % и более²⁶.

Соответственно увеличению количества средних и крупных поселений увеличивалось число населенных пунктов городского типа. В 60-х гг. прирост городского населения в Калужской, Смоленской, Орловской областях на 75—80 % обеспечивался за счет механического прироста, а в Брянской в это время появлявшиеся довольно многочисленные промышленные производства пополнялись рабочей силой местного происхождения, за счет естественного прироста населения²⁷. Брянский сельский житель нередко менял свою социальную принадлежность и становился рабочим, не имея необходимости далеко ехать, а иногда и просто оставаясь на месте. Эта легкость объясняет массовый характер явления

ухода с земли с одновременным ухудшением обеспеченности сельского хозяйства трудовыми ресурсами. Сельские семьи, не решавшиеся на переезд в город, имели перспективы на местах обеспечить себя работой, не связанной с сельским хозяйством.

Явление того же порядка — развитие маятниковой миграции. Такая форма передвижения населения характерна для Центра в целом, а ее интенсивность прямо зависит от степени близости тех или иных регионов к источникам несельскохозяйственного заработка. Если в Брянской области этот процесс сдерживался наличием относительно крупных населенных пунктов, то в Костромской, отчасти Калининской и Смоленской областях главным фактором слабости маятниковой миграции выступала малая доступность промышленных центров. И напротив, наибольшего размаха этот процесс достигал в Калужской, Ивановской, Рязанской, Владимирской областях. Большое количество малых городов и крупных сельских населенных пунктов в Московской области отчасти сдерживает притяжение мегаполиса, в то же время привлекая маятниковых мигрантов из соседних областей.

Возможность альтернативного заработка в течение нескольких десятилетий служила определенным сдерживающим фактором для потенциальных мигрантов из брянского, калужского и орловского села. С ликвидацией послевоенной разрухи, ростом жизненного уровня крестьянства на первый план вышли проблемы содержания труда, организации быта. Уровень новых потребностей обнаружил иллюзорность преимуществ, вытекавших из более удачного типа сельского расселения. Ни одна из областей не оказалась в состоянии обеспечить своим сельским жителям достойное существование, ликвидировать тем самым противостояние города и деревни.

Подводя итоги, можно сказать, что влияние типа расселения на уровень миграции из села в город нельзя абсолютизировать. Статистика показывает, что миграционный отток характерен для большинства крупных сельских населенных пунктов почти в той же степени, то и для мелких. Однако значимость особенностей расселения для установления причин миграции очевидна. Находясь в основном за рамками настоящей работы как в первую очередь исторического исследования, проблемы расселения должны в ней присутствовать хотя бы в виде основных положений.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ЦЕНТРА И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Обратимся теперь к непосредственному рассмотрению состояния аграрного сектора сельской экономики и направлений экономической политики в послевоенные десятилетия с точки зрения их влияния на демографическое поведение жителей региона. Выше уже говорилось, что специализация хозяйства здесь смешанная: индустриальная в центре и на востоке и аграрно-индустриальная на севере, западе и юго-западе. Развитие промышленности, безусловно, влияет на состояние сельских трудовых ресурсов. Индустриализация разрушает сельский уклад жизни, способствует распространению городских ценностей, и можно утверждать, что процесс этот прогрессирует. Вместе с тем границы промышленной и аграрной сфер в целом по региону определены достаточно четко в силу существования традиционных зон развития промышленности; аграрная ориентация хозяйства, в свою очередь, также не способствует разрушению этих границ.

Статус сельского поселения на большей части региона определяется как сельскохозяйственный, а потому вполне логично предположить, что причины миграции сельских жителей здесь если и имеют экономическую подоплеку, то лежат по большей части не в индустриальной сфере, а в аграрной. Значит, для их выяснения логично обратиться к определению состояния сельского хозяйства в Центральном Нечерноземье в указанный период.

Есть прямая зависимость состояния хозяйства любой территории от типа расселения. Это утверждение не требует дополнительных иллюстраций и доказательств. В Нечерноземной зоне РСФСР, ко всему прочему, именно хозяйственные функции определяют дифференциацию сельских населенных пунктов. Сельские поселения здесь делятся, в порядке уменьшения людности, на центральные усадьбы, поселки отделений и бригад и рядовые населенные пункты при объектах или без них¹.

Около 40 % населения ЦЭР, по переписи 1970 г., было сельским (без учета г. Москвы)². О проблемах всего региона и причинах их возникно-

вения сказано достаточно. Одна из них в том, что трудности механизации сельского хозяйства (сложные природные условия) заставляли искать приложения сил и средств в более «благодарных» отраслях, тем более что промышленные центры здесь под боком.

Незаинтересованность в развитии села с одновременным постоянным предложением новых рабочих мест в промышленности имела тяжелые последствия. Аккуратно платилась дань экстенсивному подходу к развитию производства. Одновременно с победными рапортами из новых целинных колхозов вдруг выяснялось, что «...в смоленских деревнях еще кое-где люди на себе землю пашут»³. Необходимость серьезной, повседневной, кропотливой работы в областях Нечерноземья противоречила стремлению взять большой урожай с минимальными затратами и не вписывалась в «планов громадье». Истинные потребности региона выяснились позже, когда игнорировать его нужды стало более невозможным. Достаточно убедительно выглядит агротехнический пример. Для улучшения плодородия почвы высевают обычно люпин. В РСФСР в 1973 г. им было занято 500 тыс. га, из них на Брянскую область приходилось 230 тыс. га, а на Смоленскую — от 60 до 80 тыс. га⁴. Подобное соотношение дает представление о качестве здешних земель.

При всем сходстве проблем их острота, тем не менее, варьировалась в разных областях. Немалую роль в этом сыграла сельскохозяйственная специализация. На севере и в Смоленской области это в большой степени льно-молочное направление, на востоке, а также в Московской и Калужской областях — молочно-мясное животноводство, в Брянской, Орловской и Рязанской — зерновое хозяйство, картофелеводство, животноводство.

Ряд областей ЦЭР из-за близости к Москве имеют так называемый пригородный тип хозяйства. Он предусматривает повышенный уровень интенсификации сельскохозяйственного производства, большую плотность крупного рогатого скота, предпосылки для роста урожайности сельхозкультур. Показательно, что наиболее интенсивное сельское хозяйство в Калужской и Рязанской областях ведется в районах, граничащих с Московской областью (соответственно северо-восточных и северных), а также на территориях составляющих пригородную зону областных цен-

тров (в Рязанской области это опять-таки север). В западных районах Калужской области размещены основные посевы льна, смыкаясь с льноводческими районами Смоленской области. Площади под лен постоянно сокращаются в силу прогрессирующего убывания числа рабочих рук⁵. Животноводство развито в основном в центральных и тех же северо-восточных районах. Подобная территориальная специализация присутствует и в ряде других областей.

Статус пригородной зоны для населения означает большее разнообразие и доступность сельскохозяйственных продуктов, несколько более комфортные условия труда. Таких преимуществ были лишены сельские жители районов с узкой специализацией сельскохозяйственного производства. Речь прежде всего идет о Костромской, Смоленской, Калининской, Ярославской областях, где посевы льна занимали очень большие площади. В совокупности эти области давали около трети российского льна⁶. В 60-е годы на севере ЦЭР и в Смоленской области наметились новые тенденции, которые привели в конечном счете к пригородной ориентации сельского хозяйства, стандартизировали его развитие в разных регионах.

Первая — упомянутый быстрый рост средних по размеру населенных пунктов городского типа. При существовавшей мелкоселенной структуре они естественно принимали на себя основной поток переселенцев из малых сел, хотя эту роль вполне могли бы сыграть средние и крупные сельские поселения, если бы они были. Процесс ускоренной урбанизации при этом выглядел неестественным, он стал следствием тяжелого положения в селе.

Вторая тенденция — вынужденная переориентация сельского хозяйства. Отток рабочей силы из села в первую очередь сказывался на трудоемких производствах. В условиях слабой механизации посевы технических культур неизбежно сокращались.

Сельское хозяйство остальных областей было достаточно универсальным, хотя и с заметной растениеводческой ориентацией на западе ЦЭР. Ведущее место здесь занимали менее трудоемкие зерновые культуры. Лесистый характер территории позволяет говорить о большой роли деревообрабатывающей отрасли в Центральном Нечерноземье. Она широ-

ко представлена в Брянской, Калужской, на севере Смоленской, в Тверской, Ярославской и особенно Костромской областях.

Отметим, что для всего Центра характерно развитие животноводства. При традиционной растениеводческой ориентации в Брянской области, например, в 1967 г. животноводство дало больше товарной продукции, чем земледелие⁷. Животноводство обеспечивает круглогодичную занятость работающих, и это очень важно в условиях в основном сезонного характера труда в сельском хозяйстве. Но, будучи крайне тяжелым, труд в животноводстве способен быть привлекательным лишь при условии эквивалентной оплаты. Это возможно только в экономически сильных хозяйствах, и в условиях Центра было достаточно редким явлением. По этой причине сам по себе уровень развития животноводства в конкретном регионе не позволяет судить о степени стабильности местного населения. Причины повышенной миграции, либо ее отсутствия, должны определяться комплексно.

* * *

После необходимой общей характеристики обратимся к конкретным изменениям, происходившим в аграрном секторе для выяснения их возможного влияния на процессы миграции.

По окончании войны выяснилось, что сельское хозяйство приняло на себя основное бремя людских потерь. Большие сокращения населения происходили и раньше, в результате коллективизации. Если в конце 20-х гг. 80 % населения страны было сельским, то к началу 50-х эта цифра уменьшилась до 60 %⁸. В тех районах, где велись боевые действия, т.е. на западе района — хозяйство было практически дезорганизовано, материальные потери огромны. В Смоленской области в 1945 г. посевные площади составляли только половину довоенных⁹. В Брянской области в 1946 г. общественные хозяйства имели лишь 15 тыс. коров, а 247 тыс. хозяйств колхозников — 200 тыс. коров¹⁰. В 1948 г. в области 310 колхозов имели от одной до пяти голов рабочих лошадей, а в 520 колхозах нагрузка на одну рабочую лошадь составляла более 50 га пашни. В 130 колхозах не было овец, в 541 — свиней. 665 колхозов (из общего количества около 3 тысяч) были полностью финансово несостоятельны¹¹.

Но и находившиеся в лучшем положении хозяйства, как правило, лишь в редких случаях могли поддерживать материально своих работников. К началу 1946 г. из всех областей ЦЭР только в Смоленской области не было восстановлено довоенное количество МТС¹². К концу 1945 г. в Брянской области был 71 безлошадный колхоз, в Смоленской — 28, в Калужской — 23¹³.

Во всех западных областях в числе наиболее пострадавших оказались районы с меньшей плотностью населения. Для Калужской области это южные и юго-западные районы¹⁴, для Брянской — северо- и юго-восточные¹⁵, для Смоленской — северные и юго-восточные¹⁶. Можно предположить, что именно потери людских ресурсов, а не нанесенный материальный ущерб были главным дестабилизирующим фактором для местного хозяйства.

Восстановление аграрного сектора происходило в русле Постановления февральского (1947 г.) Пленума ЦК ВКП(б) «О мерах по подъему сельского хозяйства в послевоенный период»¹⁷. Среди последовавших за ним документов оказалось Постановление Совета Министров СССР от 1 января 1949 г. «О мерах помощи сельскому хозяйству Брянской области»¹⁸. Именно к 1949 г. процесс восстановления, развивавшийся ранее довольно быстро, начал замедляться и давать сбои. Ресурс вложенных материальных средств, вновь заставивший работать колхозную экономику, был исчерпан и требовались новые усилия¹⁹. Постановление по Брянской области было, в ряду подобных ему, попыткой улучшить ситуацию, не затрагивая сложившейся системы хозяйственных отношений. С ликвидацией очевидных разрушений стало необходимо искать другие причины низкой эффективности сельского хозяйства. Кризисные явления, проявлявшиеся год от года все с большей остротой, заставили искать новые подходы в аграрной политике. Первые реальные результаты, однако, стали ощутимы лишь после известных мер конца 1953 г.

Учитывая тяжелое положение со скотом в хозяйствах колхозников, февральский (1947 г.) Пленум ЦК ВКП(б) решил предоставить беспокровным кредит²⁰, что было оформлено соответствующим Постановлением Совета Министров в августе 1947 г.²¹ Об остроте ситуации говорят следующие цифры. В 1945 г. только в Смоленской области было около 129

тыс. бесскотных и 194 тыс. бескоровных хозяйств. В 1947 г. соответственно 60,5 тыс. и 134,7 тыс.²² Предусматривалось закупить в 1947 г. у колхозников, служащих 1 млн. телок для продажи бескоровным. Сумма кредита определялась в 200,5 млн. руб.²³ Помимо того, что выплачивалась стоимость скота по государственным закупочным ценам, выдавались также зерно и грубые корма на каждый килограмм живого веса. Срок кредита устанавливался в 2—3 года²⁴.

Для перенесших оккупацию районов постановление должно было сыграть известную положительную роль, но, к сожалению, в целом выполнено не было. Причина видится в том, что поощрение приусадебного скотоводства противоречило другой, более определенно выраженной линии борьбы «с раздуванием личного хозяйства в ущерб общественному», как было сказано в Постановлении ЦК ВКП(б) и Совета Министров от 19 сентября 1946 г.²⁵

Заявленные в Постановлении меры были окончательно оформлены в решениях все того же февральского Пленума 1947 г., и с этой точки зрения оно явилось предвестником новой политики и лишь звеном в цепи последовавших мероприятий. Ликвидация нарушений сельскохозяйственной артели должна была охватить практически все сферы общественного хозяйства. Помимо дискриминационной политики по отношению к личным подворьям, предусматривалось несомненно разумное сокращение штатов административного персонала колхозов. Существенно осложнило положение колхозников признание «наличия в колхозах устаревших, заниженных норм выработки»²⁶. В результате введения новых норм часто полностью ликвидировалась материальная заинтересованность при работе в общественном секторе хозяйства.

Велась борьба с захватами колхозных земель. Достаточно символическое сокращение штатов управленцев не идет ни в какое сравнение с развернувшейся многолетней кампанией по отбору «захваченной» земли. Таких «захватов» больше всего оказалось опять-таки на бывшей оккупированной территории, в условиях дезорганизации колхозного производства. В 1950 г. в Калужской области было установлено 17112 случаев нарушения землепользования на площади 810 га, охвативших 12 % крестьянских дворов²⁷. В 1953 г. в Брянской области было проверено 62214 хо-

зяйств, выявлено 2383 случая захвата (3,8 % проверенных дворов), в том числе 1667 случаев — колхозниками, на площади 76 га²⁸.

Множественность захватов не позволяет предположить наличия у крестьян в тех условиях антиколхозной позиции. «Захватывались» заведомо неиспользуемые земли, главным образом из «запасного» приусадебного фонда, либо, гораздо реже, сенокосы²⁹. Массовый характер нарушений обуславливал сравнительную мягкость наказания. Как правило, это были штрафы и лишь особо злостные нарушители подлежали уголовному преследованию. Такие случаи отмечены, например, в Калужской и Смоленской областях в 1950 г.³⁰

Названные директивные документы не исчерпывают список указов и постановлений, регулировавших положение в сельском хозяйстве в конце 40-х гг. Он достаточно обширен, и упомянуты лишь наиболее значительные. Провозглашенная в 1946 г. политика довольно последовательно проводилась и в дальнейшем. Нетрудно увидеть в Постановлении ЦК и Совета Министров от 30 мая 1950 г.³¹, касающемся укрупнения мелких колхозов, все ту же заботу о сокращении административного персонала. Другая причина укрупнений состоит в том, что имевшаяся сельскохозяйственная техника, в частности, трактор С-80, могла быть эффективно использована лишь на больших площадях — 1400–1500 га. В то же время до массового укрупнения многие колхозы имели средний размер пашни в полях севооборота до 10 га³².

Постановление предусматривало реорганизацию колхозной сети в первую очередь в нечерноземной зоне, где мелких хозяйств было очень много. Мы видели причины такого положения, оно определялось особенностями расселения, приспособленного к местным географическим условиям. Проводившееся укрупнение хозяйств поэтому по большому счету не отвечало интересам региона, поскольку шло дальше ликвидации явных несообразностей и разрушало естественно сложившийся тип хозяйствования.

Преимущества от использования сельхозтехники на больших площадях здесь сводились на нет отсутствием таких площадей из-за изрезанности рельефа и специфики лесной зоны. Более того, известны случаи, когда с целью приближения управленческих структур к хозяйст-

венным объектам проводилось дальнейшее разукрупнение. Это делалось до 1950 г., впоследствии же стало невозможным. Так, в Брянской области в 1948 г. из 47 колхозов выделилось 79³³. Постановление облисполкома, принятое по следам аналогичного союзного в том же 1950 г. звучало поэтому диссонансом проводившейся практике³⁴. Отмечены случаи, когда перед объединением общественный скот колхоза забивался, а мясо распределялось по трудодням. Так было, например, в Подольском районе Московской области и на Смоленщине³⁵.

Чтобы привести хозяйство на местах в соответствие с проводимой политикой, в 1950—1951 г. разворачивается кампания сселения колхозников в единые колхозные села с создания агрогородов. Ее проведение связывают с письмом Н.С.Хрущева, направленном в низовые парторганизации. Надо признать, что несостоятельность этой идеи была понята довольно быстро и последовало разъяснение ЦК об ошибочности такого подхода³⁶. К сожалению, попытки сселения крестьян из мелких населенных пунктов на этом не прекратились.

Мы против того, чтобы абсолютизировать отрицательную сторону укрупнения колхозов. Ситуацию, когда на одну область в 1949 г. приходилось до 5 тыс. колхозов³⁷, вряд ли можно считать нормальной с точки зрения системы организации коллективного производства. Структура ступенчатого подчинения требовала колоссального числа управленцев. Усиление централизации управления и неизбежная при этом потеря самостоятельности на местах отвечала необходимости координации действий для восстановления народного хозяйства. Но даже после того, как чрезвычайные условия отошли в прошлое, эти своеобразные отношения между государством и колхозами остались и воспринимались впоследствии как единственно возможные³⁸.

Укрупнение колхозов было призвано облегчить одну из наиболее болезненных проблем — колоссально низкого материально-технического уровня большинства хозяйств. Уже после укрупнения в 1952 г., из 1008 колхозов Калужской области только один был миллионером³⁹. В некоторых областях ЦЭР менее 10 % колхозов было электрифицировано при том, что в среднем по стране в это время было электрифицировано 50 % хозяйств⁴⁰. Укрупнение могло приблизить решение этих задач. Меньшее

число колхозов позволяло лучше видеть нужды каждого из них. Подчинение неудачливых хозяйственников более преуспевающим тоже выглядело оправданным.

Другим направлением, по которому планировалось повысить отдачу сельского хозяйства, было преобразование колхозов в совхозы. Практика показала, что наиболее активно к этой мере прибегали в районах с неблагоприятными природно-климатическими условиями для ведения хозяйства. Мы уже отмечали низкое плодородие почв, характерное для рассматриваемой зоны. Оно влечет за собой недостаточно разветвленную специализацию сельского хозяйства. Издержки производства по многим традиционным для зоны сельхозпродуктам были настолько велики, что не покрывались низкими закупочными ценами (речь идет о картофеле, мясе, молоке, яйцах, овощах). Совхозная система выглядела более оптимальной в том смысле, что давала больше возможностей централизованного перераспределения фондов от богатых хозяйств к бедным.

Надо сказать, что в конце 40-х — начале 50-х гг. совхозы еще не рассматривались с точки зрения возможности создания более привлекательных условий для сельского труженика по сравнению с колхозами. В 60-е гг., с обострением демографических проблем села, пришлось принимать во внимание и это соображение.

К началу 50-х гг. доля совхозов во всей продукции сельского хозяйства составляла лишь 10 %⁴¹. Преобразование колхозов в совхозы еще не было массовым. В Смоленской области в 1951 г. существовало всего 47 совхозов, в Брянской и Калужской — по 25⁴². По размеру совхозы существенно не отличались от колхозов. На хозяйство приходилось от 500 до 1000 га, редко больше. Эти данные примерно соответствуют характеристикам колхозов после укрупнения⁴³.

Таким образом, в начале 50-х гг. совхозы еще не могли быть серьезно противопоставлены колхозам по условиям жизни работников. В ряде случаев специализация хозяйств, особенно животноводческая, ставила рабочих совхозов в более выигрышное положение по сравнению с колхозниками при фиксированной оплате труда, но трудности восстановительного периода служили мощным уравнивающим фактором для разных типов общественного производства. Начиная с середины 50-х гг.,

одновременно с ростом удельного веса совхозов в общем числе хозяйств, они выполняли определенную стабилизирующую функцию по отношению к сельскому населению. Специфика жизни и работы в совхозе отвечала появившейся ориентации на городские ценности.

Но в конечном счете даже массовое появление совхозов на рубеже 60-х гг. не могло удержать людей от миграции — различия в уровне жизни между деревней и городом были слишком велики.

Ни административно-репрессивные меры по охране колхозной собственности, ни попытки реорганизации колхозов не принесли желаемого результата. Положение в сельском хозяйстве оставалось предметом постоянной заботы руководства страны. Ситуация в Центре России давала менее всего оснований для оптимизма. На 1 января 1953 г. колхозы Калужской области были должны государству 110 млн. руб.⁴⁴ В 1953 г. резко сократились посевы льна и конопли в Брянской области. Падеж общественного скота за год составил здесь 34,8 тыс. голов крупного рогатого скота, 41,2 тыс. свиней, 72,7 тыс. овец⁴⁵. Многие районы характеризовались крайне низкой урожайностью, причем отставание тех из них, которые особенно сильно пострадали от войны, становилось хроническим⁴⁶.

Вдвое возросшая себестоимость зерна в 1953 г. по сравнению с 1940 г. противоречила неизменным на протяжении четверти века закупочным ценам, и раньше лишь частично компенсировавшим производственные затраты. По другим видам сельхозпродукции ситуация не была лучше. Закупочная цена на молоко в 1952 г. покрывала четверть общих затрат на производство, а на мясо — 5–6 % затрат⁴⁷.

С целью предотвращения дальнейшего снижения площади посевов технических культур с 1952 г. предпринимались меры по подъему льноводства в колхозах. Наибольшее значение, естественно, это имело для льносеющих северных областей ЦЭР. В результате повышения закупочных цен этот вид сельскохозяйственной продукции стал давать доход, сопоставимый с производственными затратами.

Такая мера выглядела довольно масштабной, так как помимо простого повышения цен на льноволокно и льносемя вводились премии-надбавки за льнопродукцию, сдаваемую по контрактации. Анализируя

действие постановления на примере Починковского района Смоленской области, Т.И.Заславская приводит данные, характеризующие происшедшие после его принятия изменения. Валовой сбор льносемян в 1954—1956 гг. по сравнению с 1949—1951 гг. возрос в 12 раз. В результате посевы льна даже стали кое-где вытеснять рожь⁴⁸.

Хотя впоследствии были повышены закупочные цены и на другие виды сельскохозяйственной продукции, приоритет, отдаваемый развитию льноводства, формировал у колхозников осознание престижности работы в этой отрасли, что не могло не сказаться на положении дел в льносеющих районах не только северных, но и центральных областей региона. Оценка своего труда как значимого, достаточно подкрепляемая материально, не побуждала колхозника или рабочего совхоза искать других форм деятельности. Такое положение в течение определенного времени способствовало стабилизации населения в льносеющих районах. Смена преобладающей миграционной мотивации в 60-е гг. (культурно-бытовые проблемы потеснили значение оплаты труда) снизила влияние формы занятости в сельском хозяйстве на принятие решения о переезде в город.

Исследователями отмечалось, что в аграрной политике 50-х гг. постоянно сочетались экстенсивные и интенсивные методы при явном преимуществе первых⁴⁹. Хотя и редко, но стремление идти проторенной дорогой и использовать привычные средства приносилось в жертву крайней экономической необходимости. В 50-е гг. произошло некоторое улучшение в жизни людей. Были отменены карточки, с восстановлением разрушенных производств стала быстрее решаться проблема жилья. Но поскольку изменения коснулись в основном горожан, более ощутимой стала разница между городом и деревней. Низкоэффективная система начисления трудодней с мизерными выплатами по ним, высокие ставки налога, почти полное отсутствие механизированного труда, не говоря уже о различии бытовых условий, грозили стать причиной необратимого развала сельского хозяйства.

С точки зрения сегодняшнего дня меры по подъему сельской экономики 1953 г. были в чем-то недостаточны, несколько односторонни, но нельзя не признать значимости предпринятых шагов. По словам Ю.В.Арутюняна, были проведены не просто отдельные мероприятия, на-

правленные на повышение материальной заинтересованности колхозников, а в целом был взят курс на установление эквивалентных отношений обмена между городом и деревней, на сближение темпов роста промышленности и сельского хозяйства⁵⁰. В более поздних работах оценка реформ 1953 г. также остается высокой. Н.Шмелев и В.Попов называют те мероприятия «последней крупной возможностью роста в рамках административной системы»⁵¹. Для нашей темы наиболее значимыми из принятых мер представляются повышение денежной оплаты трудодня, двукратное снижение налога с приусадебных хозяйств и отмена обязательных поставок с них сельскохозяйственных продуктов. Результаты не замедлили сказаться, и уже через 3 года, в середине 50-х, сельское хозяйство впервые стало рентабельным⁵². Безусловно, в этом сыграло свою роль и провозглашение курса на «максимальную механизацию»⁵³.

Приверженность новому подходу к развитию сельского хозяйства демонстрировалась и после 1953 г. В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 9 марта 1955 г. расширялись права колхозов в планировании своего производства. Тем самым была несколько ослаблена их зависимость от центра. По-прежнему регламентировались только задания по сдаче продукции⁵⁴. Постановлением ЦК и Совмина от 6 марта 1956 г. колхозам была дана возможность изменять отдельные положения Устава сельскохозяйственной артели применительно к местным условиям⁵⁵. 10 марта 1956 г. был принят первый правовой акт, касавшийся социального обеспечения колхозников — Постановление ЦК и Совмина «О ежемесячном авансировании колхозников и дополнительной оплате труда в колхозах»⁵⁶.

Со временем стало ясно, что снижение налога и отмена обязательных поставок с личных подсобных хозяйств было лишь разовым мероприятием и не означало изменения политики по отношению к приусадебным участкам. В середине 50-х гг. началась новая волна сокращений землепользования крестьянского двора. Это произошло после принятия Постановления Совета Министров СССР от 26 марта 1954 г. № 520, предписывавшего уменьшить размеры участков⁵⁷. Очередное уменьшение не диктовалось хозяйственной необходимостью. В 1955 г. статистики Брянской области констатировали, что «отрезаемые от усадебных участков

излишки по 0,02—0,03 га из-за их малого размера не используются, как правило, колхозами; нарушителями Устава сельскохозяйственной артели из года в год эти нарушения повторяются. Их можно ликвидировать только путем передвижки усадеб, которую надо проводить в порядке землеустройства колхозных селений»⁵⁸.

Подобно тому как непродуманное решение о создании агрогородов повлекло за собой принудительное сселение из «неперспективных» малых деревень, так и отрезки приусадебных участков требовали ломки внутридеревенской хозяйственной структуры. И в том, и в другом случае решения принимались вопреки здравому смыслу, ущемляли права крестьян, лишали их прочной опоры в виде привычных условий хозяйствования, и в конечном счете стимулировали миграцию сельских жителей.

Противодействие отрезкам со стороны крестьянства было значительным. Распространенным средством был мнимый раздел двора с целью сохранения величины надела. Такая практика имела место и в предыдущие годы. Явление, квалифицируемое как нарушение Устава сельскохозяйственной артели было, на наш взгляд, вполне закономерным. Например, в Калужской области к концу десятилетия запасной приусадебный фонд составлял 11,3 тыс. га, при этом засеивалось лишь 6,8 тыс. га⁵⁹.

Несмотря на принятые меры, в середине 50-х гг. примерно 1/3 колхозов страны оставалась экономически слабой⁶⁰. Еще тяжелее было положение в Центральном районе. Это стало причиной нового потока преобразований колхозов в совхозы. Постановлениями Совета Министров СССР, вышедшими в октябре—ноябре 1954 г., был организован 81 совхоз на базе колхозных земель Калужской, Ленинградской, Новгородской и Смоленской областей⁶¹. С разной степенью интенсивности процесс появления совхозов взамен колхозов продолжался вплоть до 1966 г., после чего размах совхозного строительства уменьшился, и последующие преобразования происходили в основном за счет разукрупнения старых совхозов⁶².

Создание совхозов в Центре России проводилось вслед появлению их на целине и отражало, таким образом, общесоюзную практику. Последнее обстоятельство не позволило избежать кампанейщины и часто рождало перегибы. Преимущества совхозной формы ведения хозяйства

абсолютизировались, часто преобразование колхозов в совхозы служило ширмой нежеланию заниматься вопросами экономики отсталых хозяйств. Создание совхозов по целинному образцу в Нечерноземье заранее было обречено на неудачу, так как, в отличие от североказахстанских, организация центрально-российских совхозов не финансировалась. Можно утверждать, что именно это обстоятельство предопределило разницу между ожидаемым и достигнутым при проведении совхозной политики в регионе. Задним числом высказывались соображения, что поскольку совхозы — это новый, высший этап в развитии колхозного производства (в соответствии с ленинским определением), то и переходить к этой форме должны не слабые и отсталые колхозы, а наиболее сильные и передовые⁶³. Излишне говорить, что подобные объяснения не имели в виду развитие теоретической базы совхозного строительства, а призваны были лишь оправдать имевшиеся трудности.

Безусловно, при создании совхозов учитывалась и хозяйственная специализация. Государство было заинтересовано в прямом влиянии на положение дел в льноводческих областях (лен является стратегическим сырьем), а удобнее это было сделать через совхозы. Пригородный тип сельскохозяйственной экономики Центра также наилучшим образом реализовывался через совхозы.

Но главным было все же другое. Отсутствие иных форм воздействия на глубоко отсталую сельскую экономику заставляло видеть в преобразовании колхозов единственный выход из тупика. Даже в 1959 г. во многих центральных областях электрификация колхозов составляла 30—40 % при среднереспубликанских показателях близких к 100 %⁶⁴. Тем не менее постановление Калужского обкома и облисполкома, в котором записывалось, что они считают создание новых совхозов «одним из важнейших средств подъема сельского хозяйства» было подвергнуто критике сверху⁶⁵.

Данные по совхозам, созданным на базе экономически слабых колхозов, наглядно свидетельствуют о слабом эффекте, полученном в результате преобразований. Следует оговориться, что Смоленская область, взятая в качестве примера, из-за уже отмеченной мелкоселенности, а значит, меньшей восприимчивости сельского населения к урбанизиро-

ванной форме производства, какой являются совхозы по сравнению с колхозами, оказалась, наряду с Калининской и Костромской, в самом уязвимом положении среди областей Центра. Характерно, что совхозы стали здесь более эффективными к концу 60-х гг., с распространением урбанистических стандартов.

Таблица 1.

Хозяйственные показатели совхозов Смоленской области, созданных на базе экономически слабых колхозов⁶⁶.

	1959 г.	1960 г.	1961 г.
Количество совхозов	81	105	151
Число работающих, чел.	37402	74754	124448
Среднегодовая зарплата, руб.	517,0	470,2	500,18
Количество совхозов, имеющих по итогам года:			
прибыль	6	16	44
убыток	75	89	107

Следует ли понимать, что с распространением городских форм жизни на селе совхозы оказываются в лучшем положении по сравнению с колхозами? Это верно, но лишь постольку, поскольку деятельность совхозов стимулировала дальнейшее раскрестьянивание. Неизбежное снижение хозяйственной самостоятельности при преобразовании колхозов в совхозы делало их еще более управляемыми, а значит, позволяло полнее применять директивные меры и ограничивать свободу производителя.

Итак, экономического чуда в результате преобразования не произошло. Прежние колхозы после перемены в основном сохранили статус отсталых, но уже совхозов. И все же в силу вышеуказанных причин в большинстве своем они оказались в лучшем положении, чем раньше. В течение первых трех лет работы новых совхозов Калужской области среднегодовой рост производительности труда в них составил 35 %⁶⁷.

Возраставший отток сельского населения в города потребовал передачи рычагов управления благосостоянием сельского труженика от ме-

стного руководства в руки главного вершителя демографической политики — высших управленческих органов. Хозяйственная неэффективность преобразования колхозов в совхозы в глазах преобразователей, возможно, оправдывалась тем, что потенциальных мигрантов в город теперь можно было удержать введением фиксированной заработной платы, тогда как раньше обходились лишь административными ограничениями на выезд.

Впрочем, если демографические факторы и играли какую-то роль в определении направлений аграрной политики, то не главную. Подтверждение тому факт, что если в РСФСР в 1957—1958 гг. в совхозы было преобразовано 10,8 % колхозов, то в Центре, с его быстро ухудшавшейся демографической ситуацией на селе, лишь 5,8 % колхозов⁶⁸.

Во многих новых совхозах лучше, чем раньше на этих же землях, развивалось зерновое хозяйство⁶⁹. Причина ясна. Сезонная оплата труда в полеводстве заставляла колхозников искать другой работы, с круглогодичной занятостью. Для рабочих совхозов, получавших в течение года фиксированную оплату, этого препятствия больше не существовало. В то же время животноводство из-за тяжелых условий работы теперь не было способно концентрировать рабочую силу. Так, посевы зерновых в совхозах Смоленской области в 1962 г. выросли более чем на 100 тыс. га по сравнению с 1960 г. (в том числе, конечно, и за счет территориального расширения колхозов), а в колхозах за это время сократились на 16 тыс. га. Посевы льна в колхозах остались на прежнем уровне (это значит, что при преобразовании колхозов специализация на технических культурах не была определяющей), а в совхозах выросли в 2,5 раза. В то же время, при полутора-двукратном перевесе в поголовье скота в совхозах по сравнению с колхозами, показатели сдачи мяса в расчете на 100 га посевов были практически равны, а по молоку лишь незначительно превышали колхозные⁷⁰.

Со временем перевес совхозов над колхозами исчез. Если в 1960 г. по фондо- и энерговооруженности колхозы уступали совхозам, то в 1975 г. было уже наоборот. Реорганизация, проведенная на рубеже десятилетий, объединив поначалу многие из наличных ресурсов во вновь образованных совхозах, в дальнейшем не подкреплялась материально.

В ряде мелкоселенных областей Центра в результате преобразований колхозов в совхозы общественные посевные площади последних уже в начале 60-х годов оказались сопоставимыми с колхозными, а в Смоленской области даже превысили колхозные⁷¹. В конце 60-х в Московской области с ее ярко выраженным пригородным типом хозяйства на долю колхозов оставалось лишь 10 % посевов⁷².

Совхозам, таким образом, часто отдавалось предпочтение, но в итоге им пришлось ограничиться имевшимися ресурсами. Колхозы тем временем, получив гарантированный минимум оплаты труда для работающих, постепенно восстанавливали хозяйство и скоро смогли составить конкуренцию совхозам. Между тем население совхозов сильно поредело и постарело из-за более интенсивного, чем в колхозах, отъезда людей в город (в совхозах традиционно сильнее выражена городская ориентация). Производительность труда в совхозах в 1970 г. по РСФСР составляла 152 % к уровню 1960 г., а в колхозах — 175 %⁷³.

Мы подробнее остановились на переменах в сельском хозяйстве Смоленской области после преобразования колхозов в совхозы потому, что именно здесь они были наиболее значительны по региону и оказали в дальнейшем серьезное влияние на местную сельскую экономику. Однако, тенденция носила универсальный характер. Волна появлений совхозов на месте старых колхозов двигалась с севера на юг, от мелкоселенных территорий к крупноселенным. В начале 60-х гг. населенные пункты большинства областей ЦЭР еще были способны выполнять производственные функции в старом качестве, т.е. в составе колхозов. Но миграция неумолимо оголяла село, трудовые ресурсы сокращались, и руководители более южных областей Центра поневоле начали больше рассчитывать на развитие совхозной формы производства.

Последующий упадок экономики совхозов, особенно ощутимый в годы 9-й пятилетки, почти до конца стер границы между коллективной и государственной формами организации общественного производства, отняв, по существу, у крестьянина возможность внутрисельского выбора места лучшего трудоустройства.

Наряду с тенденцией образования совхозов на базе экономически слабых колхозов продолжала действовать и другая — укрупнения хо-

зяйств. Этот процесс в основном завершился к середине 60-х гг. В ходе укрупнения происходило дальнейшее разрушение поселенческой структуры. В результате некоторые новые хозяйства стали иметь в своем составе по 20—30 населенных пунктов. Это было абсолютно неприемлемо с точки зрения возможности эффективной организации производства и влекло за собой сселение из мелких сел.

Логика в действиях сторонников ликвидации «неперспективных» деревень, безусловно, присутствовала. Вне зависимости от размера поселения почти в каждом из них приходилось иметь бригадира, двух конюхов, молокосборщика, пастуха для индивидуального скота, часто — кладовщика и сторожа. Общее число необходимых должностей охватывало до половины и более трудоспособных членов бригады.

Мы видели, что для Центра более оптимально многоотраслевое хозяйство. Недостаток рабочих рук в условиях параллельного существования нескольких сельскохозяйственных производств приводил к тому, что в уязвимом положении оказывались отрасли трудоемкие и сравнительно низкооплачиваемые. В поселке Мосалово колхоза им. Калинина Батуринаского района Смоленской области построенный в 1957 г. свиноводческий отводок все немногочисленные трудовые ресурсы (8 трудоспособных) от полеводства. 535 га земли оказались практически брошены на произвол судьбы⁷⁴.

Хозяйственный эффект от сселения оказался совсем не так велик, как ожидалось. Сселение автоматически увеличивало расстояния до хозяйственных объектов. Его организаторы были вынуждены делать ставку на перспективу — последующую механизацию и улучшение состояния дорог, но ошиблись. Географические условия Нечерноземья не способствовали широкому внедрению техники и сколько-нибудь значительной концентрации сельскохозяйственного производства.

Выделим еще один аспект. Человек в существовавшей схеме рассматривался только как носитель производственной функции, а индивидуальные его интересы и запросы фактически игнорировались. Поэтому творцы тогдашней экономической политики были лишены возможности просчитывать последствия своих действий, а значит, постоянные зигзаги

(подчас взаимоисключающие) при определении путей подъема сельского хозяйства были закономерны.

В такой ситуации люди были вынуждены приспосабливаться к новым условиям самостоятельно. Утрата поселением статуса хозяйственного центра, даже на внутриколхозном уровне, часто снимала необходимость директивного переселения. Люди переезжали сами, хотя это происходило и не сразу. В условиях крупного хозяйственного формирования была неизбежной значительная удаленность центра хозяйства от периферийных населенных пунктов, что затрудняло транспортные связи между поселениями и в конечном счете делало крайне тяжелыми условия жизни в дальних деревнях из-за плохой организации снабжения. Заметим, что делалось это на фоне ограничения приусадебных хозяйств, и жители малых населенных пунктов очень зависели от центра.

Взаимопроникновение двух процессов — сселения жителей мелких поселений в крупные и становление новых хозяйственных образований на базе укрупнения и замены колхозов совхозами не случайно. Эти мероприятия имели единую конечную цель — обеспечение эффективности административного управления экономикой.

Важным направлением деятельности руководства колхозов и совхозов в 50-е гг. было техническое обеспечение сельскохозяйственных процессов. В условиях распространения немеханизированного ручного труда взаимоотношения хозяйств с МТС решали на селе очень многое. Труд в МТС, несмотря на необходимость специальной подготовки (и вследствие ее), выделялся своей престижностью. Впрочем, в начале 50-х гг. работники МТС мало выигрывали по сравнению с основной массой крестьянства. Наиболее уязвимым для них местом была сезонность работы. Почти все зимние перевозки осуществлялись в убыток МТС. Низкие ставки натуроплаты были причиной использования техники МТС не по назначению. По одному из свидетельств — директора Мосальской МТС Калужской области П.Кацева, колхозы не заботились об условиях труда трактористов — «чужих работников»⁷⁵. Из-за неэффективности использования техники сельхозпродукты по натуроплате обходились работникам МТС дороже колхозных. Узкая специализация большинства рабочих также мешала им работать в полную силу в течение всего года.

Провозглашенный октябрьским (1953 г.) Пленумом ЦК КПСС курс на максимальную механизацию привел к укреплению позиций МТС. Повысилась гарантированная оплата труда рабочих тракторных бригад. С 1 октября 1953 г. в Нечерноземье она стала составлять 7 руб. на трудодень⁷⁶. По мере превращения МТС в животноводстве в такую же силу, как и в полеводстве (начиная с 1955 г.) сглаживается негативное воздействие фактора сезонной занятости⁷⁷. Кроме того, ситуация, при которой трактористу 65 % заработка оплачивала МТС, а 35 % — колхоз, повышала его материальную заинтересованность в результатах труда⁷⁸. Все эти факторы обусловили приток в МТС рабочей силы.

Насколько эффективна была система МТС для Нечерноземья? Претензии к МТС, приведшие в итоге к их реорганизации, были справедливы и здесь. Их можно обозначить как несоответствие новым условиям ведения хозяйства. Видимо, в рассматриваемом регионе ситуация для МТС и ранее была не особенно благоприятной. Существование одной-двух тракторных станций на район заведомо обрекало отдаленные бригады хозяйств на конно-ручную вспашку. Именно хозяйственная разбросанность и бездорожье в Центральных областях привели сначала к сдаче техники колхозам в аренду, а затем и к полной ликвидации МТС.

Привилегированное положение рабочих МТС, хотя и не декларируемое, было подтверждено установлением пенсий бывшим работникам станций, перешедшим в колхозы⁷⁹.

Несмотря на передачу колхозам техники МТС, семилетку они начали ослабленными. Многие колхозы, особенно экономически слабые, израсходовали на покупку техники не только денежную часть неделимых фондов, но и значительную долю оборотных средств. Были трудности и с ремонтом новой техники. Необоснованно завышались цены на машины, запчасти, горючее. Приходилось терпеть активное административное вмешательство в процесс комплектования машинно-тракторного парка⁸⁰.

Установление в 1958 г. единых закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию несколько облегчило положение экономически слабых хозяйств, но не сделало рентабельными трудозатратные производства⁸¹. В невыгодном положении оказалось поэтому животноводство и противоречие между государственной ценовой политикой и попытками за-

крепления рабочей силы на селе путем ликвидации сезонности существовало по-прежнему. Нерентабельность отрасли иногда заставляла руководителей хозяйств искать другие, более доступные с их точки зрения источники получения продуктов животноводства. Отсюда возникали нарушения принципа добровольности при проведении среди колхозников и рабочих совхозов закупок продуктов животноводства⁸². Возможно, что трудности в животноводстве стали одной из причин частичной переориентации совхозов на зерновую специализацию, наблюдавшейся в то время.

Период конца 50-х — начала 60-х гг. стал временем крупномасштабного наступления на личные подсобные хозяйства. Цель при этом преследовалась двоякая. Кроме очевидного стремления подтвердить приоритет общественных форм сельскохозяйственного производства ставилась также задача обеспечить за счет личных хозяйств приток рабочих рук в общественный сектор взамен выбывающих. Сокращение поголовья скота в индивидуальном пользовании освободило, как это и было задумано, время сельских работников, но не избавило их от заботы о хлебе насущном. Подразумевалось, что с ростом индустриализации аграрного сектора личное хозяйство утрачивает натуральный характер и становится товарным. Таким образом, у крестьянина развиваются частнособственнические настроения. Оставим в стороне вопрос о том, как товарное производство изменяет психологию производителя. Ошибочным было само предположение о якобы утрате личным подсобным хозяйством натуральных функций. Проведенные позже исследования показывают, что и в 1979 г. жители брянского села, имевшие пригородные участки, использовали полученную с них продукцию в 46,8 % случаев только для себя, в 13,5 % случаев — для себя и городских родственников, в 32,7 % случаев — в основном для себя. Только 5,3 % крестьян продавали столько же, сколько потребляли сами, и 1,3 % их полностью продавали сельскохозяйственную продукцию со своих участков⁸³. Конечно, брянское село с его выраженными аграрными приоритетами позже своих соседей по Центру подверглось влиянию урбанизации. Тем не менее, трудно предположить, что в начале 60-х гг. крестьяне остальных областей в основном занимались продажей выращенного в личном подсобном хозяйстве — общеизве-

стны уровень благосостояния села и положение в социально-бытовой сфере.

Вот еще один брянский пример. На этот раз речь идет о поселке городского типа, обслуживавшем промышленное производство, где проблемы обеспечения населения не должны были стоять особенно остро. Радице-Крыловский поселковый совет, после запрещающего решения облисполкома о содержании скота в поселениях такого типа (август 1959 г.⁸⁴) ходатайствовал о разрешении населению держать в поселке коров. Прилагалась подробная справка, из которой ясно, что иного источника получения молокопродуктов, кроме личных хозяйств, у жителей не существовало. Говорилось о катастрофическом состоянии дорог, отсутствии магазинов, количестве детей, лишенных молока. Ответом был краткий отказ со ссылкой на соответствующее постановление правительства⁸⁵.

Сам по себе не характерный для сельской местности, где не было полного запрещения на содержание личного скота, этот пример помогает понять, тем не менее, чем было личное хозяйство для тогдашней негородской семьи.

Отсутствием городских ограничений на селе молчаливо признавалась роль приусадебных хозяйств в самообеспечении крестьянства, а также весомость их вклада в колхозную экономику. В 1964 г. личные хозяйства давали 43,1 % доходов колхозной семьи в РСФСР и 51,3 % — в Центре России⁸⁶. В 1967 г. на их долю приходилось 22,8 % проданного колхозами и совхозами скота, 28 % картофеля, 14,1 % яиц, 4 % молока⁸⁷. Но и принятых мер оказалось достаточно, чтобы разрушить систему приусадебных наделов. За 1959—1965 гг. прирост занятых в общественном производстве в РСФСР на 54,8 % обеспечивался за счет привлечения трудовых ресурсов из домашнего хозяйства. Причем в 1959—1960 гг. личные хозяйства давали примерно в 4 раза больше рабочих рук, чем в 1961—1962 и 1963—1965 гг.⁸⁸ Поскольку труд на приусадебном участке традиционно был женским, то понятно, что именно женщины пополняли поредевшие ряды тружеников колхозов и совхозов. Это осложняло и без того острую проблему рождаемости в условиях практически полного отсутствия детских учреждений на селе.

Ограничительные меры по отношению к личному подсобному хозяйству включали в себя очередное (после 1955—1956 гг.) сокращение землепользования крестьянских дворов. В 1959—1960 гг. по Нечерноземной зоне надел уменьшился еще на одну сотку⁸⁹. Вышедшее в 1959 г. постановление Совета Министров РСФСР отмечало, что в ряде районов и областей России, в том числе в Центре, имели место факты неправомерного изъятия или значительного уменьшения приусадебных участков у проживавших в сельской местности⁹⁰. Меры правительства, таким образом, усугублялись инициативой усердных местных руководителей.

Сокращение посевных площадей и поголовья скота в личных хозяйствах, о котором говорит, в частности, В.Г.Венжер⁹¹, не всегда происходило вследствие прямого административного вмешательства, часто они самоликвидировались из-за переезда хозяев в город. В поредевших сельских семьях приходилось работать больше, что опять-таки противоречило стремлению колхозов привлечь новую рабочую силу. В целом по стране за 1960—1963 гг. при некотором снижении производства в личных хозяйствах затраты труда в них при расчете на один день возросли на 3 %⁹². При работе в общественном производстве снизилась трудовая отдача даже у колхозников со стажем.

На юге ЦЭР, в Брянской и Орловской областях, при наделении земель колхозники получали в среднем 25 соток на двор⁹³. Десятилетием раньше такое количество земли считалось минимальной нормой по Нечерноземью, абсолютное большинство крестьянства владело участками размером более 30 соток⁹⁴. В других областях, особенно в Калининской, Костромской, Смоленской и Ярославской личные наделы были немного больше. Но несмотря на дифференциацию размеров хозяйств по областям, больших различий в пределах ЦЭР не было. Политика ограничений не смогла уничтожить хозяйства колхозников, так как от них зависело слишком многое.

Уже в 70-е гг. при среднем удельном весе доходов от личных хозяйств на СССР 26,3 % от общей суммы доходов, по Нечерноземью этот показатель был существенно выше⁹⁵.

Материалы Всесоюзной переписи населения 1959 г. свидетельствуют, что удельный вес занятых в личных подсобных хозяйствах в Калужской

области составлял 2,5 % (по отношению ко всему сельскому населению) при среднерегиональном показателе около 2 %. Более высокими цифры были только по Рязанской области — 4,7 %⁹⁶. Было бы логично предположить, товарный характер личных хозяйств в областях, близких к Москве. Но тогда в сельских регионах Московской области удельный вес занятых должен быть наибольшим, но он наименьший по региону (1,1 %⁹⁷). Значит, объяснение одно: личные хозяйства колхозников и рабочих совхозов служили лишь удовлетворению собственных потребностей. Пригородный характер экономики областей, близких к Москве, не способствовал росту благосостояния их жителей.

Итак, политика раскрестьянивания, важным звеном которой была практика ограничения личных подсобных хозяйств колхозников и рабочих совхозов, велась в Центральном районе РСФСР по сценарию, общему для всего Печерноземья: уменьшение размера посевных площадей и поголовья скота в личном пользовании, восполнение недостатка рабочих рук за счет женщин, не участвовавших ранее в общественном производстве. Некоторая специфика процесса вытекала из пригородного характера экономики областей (либо их частей), тяготеющих к Москве. Распространение городских настроений в этой зоне не способствовало интенсивному культивированию подсобного хозяйства.

В льносеющих районах были свои особенности. Трудоемкий труд в общественном производстве, помноженный на малоселенность, не оставлял времени для своих хозяйств. Поэтому к концу 60-х гг. здесь сложился полусельский-полугородской тип жителя, ориентированного в основном на централизованную систему снабжения.

На юге Калужской, в Брянской и Орловской областях, напротив, довольно долго существовал относительный избыток трудовых ресурсов. Как увидим далее, уровень рождаемости в сельской местности позволял отнести эти территории скорее черноземной зоне, поэтому довольно долго здесь не было недостатка в молодых домашних работниках. Другое дело, что по достижении 18 лет многие из них покидали деревню. И все же в указанных областях сохранялся неплохой количественный и качественный уровень подсобных хозяйств, несмотря на небольшой удельный вес

трудоспособных, занятых в них. Абсолютно разрушающего воздействия на село юга ЦЭР принятые меры, таким образом, не произвели.

Наконец, для полноты картины надо упомянуть еще одно обстоятельство. Сокращение поголовья скота в личном пользовании нанесло, без сомнения, большой урон крестьянским хозяйствам. Но это сокращение стало возможным не только из-за прямого ограничения пользования скотом. Здесь в очередной раз приходится говорить о пагубности игнорирования специфики сельского расселения в Нечерноземье. Личные подсобные хозяйства стали жертвой практики сселения и ликвидации «неперспективных» деревень точно также, как колхозы — жертвой укрупнения. Именно мелкоселенность и дисперсное размещение сельхозугодий (сенокосов и пастбищ) способствовали эффективному их использованию для нужд личных хозяйств. Ликвидация мелких поселений привела к концентрации скота и ухудшению его содержания, обостряла проблему кормов⁹⁸.

Политика репрессивных мер по отношению к личным подсобным хозяйствам колхозников ухудшила положение в российской деревне. Утрата экономической основы существования в виде продукции домашнего хозяйства компенсировалась поступлениями от общественного производства, но это формировало иждивенческие настроения в крестьянской среде, стимулировало социальную переориентацию крестьян. Области Центра России в разной степени испытали на себе действие этих процессов.

Кризис в сельском хозяйстве, совпавший по времени с новым витком ограничений приусадебных участков, сильно отозвался на положении с трудовыми ресурсами в областях Нечерноземья. Именно с этим периодом исследователи сельско-городской миграции связывают один из «пиков» миграционного оттока населения в города⁹⁹. В несколько более выгодном положении оказался Запад и Юг ЦЭР. Начало сокращения объемов производства здесь немного уравнивалось тенденцией увеличения площади пашни в общественном секторе, действовавшей с первых послевоенных лет¹⁰⁰. Незначительное увеличение продолжалось до 1966 г., особенно проявляясь в Смоленской и Калужской областях. Причиной было наличие достаточно многочисленного сельского населения в сравнении с другими областями Нечерноземья. Колоссальные людские потери в ре-

зультате войны и последующей миграции до середины 60-х гг. (в Смоленской области — до начала 60-х гг.) восполнялись за счет существовавшего в Западных областях аграрного типа воспроизводства населения. При этом в лучшем положении находилась Брянская область. Свидетельство тому — более позднее, к концу 60-х гг., вступление брянской деревни в полосу дефицита рабочих рук, не покрываемого естественным воспроизводством населения. Значительная хозяйственная освоенность территории из-за высокой плотности размещения населенных пунктов не приводила здесь к росту площади пашни. Именно поэтому в 1958, предкризисном году, брянские руководители еще сохраняли надежду на успехи в колхозном производстве, усилившуюся с роспуском МТС и победно рапортовали о том, что «начался прилив в колхозы»¹⁰¹.

Первая половина 60-х гг. была очень тяжелым временем для жителей среднерусской деревни. Отток сельских жителей в города в те годы начал напоминать то, что лучше всего подходит под определение «исход». Началом изменений стала отмена в октябре 1964 г. ограничений подсобных хозяйств — столь же нужная, сколь и запоздавшая мера¹⁰².

Правительство было не в состоянии компенсировать потери скота колхозников, но вернуло отнятую землю. Средний размер участка по Нечерноземью увеличился в результате отмены ограничений на 1 сотку и составил в 1965 г. 30,9 соток¹⁰³. Рост абсолютных размеров приусадебных участков сопровождался увеличением приусадебных фондов колхозов. Причиной этого увеличения, как и в прежние годы, было оставление переселенцами своих хозяйств.

Помимо исправления очевидных ошибок прошлого требовались серьезные структурные изменения в аграрном секторе. В 1965 г. была сделана попытка провести реформы. Впоследствии оказалось, что предложенные меры были способны оказать только кратковременное стимулирующее воздействие на экономику. Об этом свидетельствует успех восьмой пятилетки, самой, пожалуй, удачной за все послевоенное время, и провал девятой.

Изменения предусматривали денатурализацию отношений внутри колхозов и между колхозами и государством. Обязательные поставки заменялись плановыми закупками. В 3 раза был снижен плановый налог

с колхозов, вводились надбавки за сверхплановую продажу продукции и снижались цены на продукцию промышленности для сельского хозяйства. Ставилась цель повышения уровня рентабельности сельского хозяйства, причем авторы реформ ориентировались в первую очередь на существовавшую экономическую ситуацию. Ничего удивительного, что позже, в изменившихся экономических условиях, эти меры перестали работать.

Серьезное значение для изменения положения дел в сельском хозяйстве имело установление гарантированной месячной оплаты труда колхозников. Лейтмотивом этого нововведения была все та же ориентация на выравнивание жизненных условий в данном случае — в колхозах и совхозах. Не случайно со второй половины 60-х гг., а точнее, с 1966 г. (времени принятия нового положения) совхозы начали утрачивать лидирующую роль в общественном производстве на селе.

Последствия были вполне предсказуемы, и они вскоре дали о себе знать. Перестав получать подкрепление в виде работников из колхозов, совхозы снизили производственные показатели, в результате чего в большинстве своем перестали отличаться от колхозов. Девятая пятилетка оказалась для совхозов особенно трудной. При последующем анализе двух форм общественного сельскохозяйственного производства был сделан вывод о том, что преимущества совхозов так и не проявились.¹⁰⁴

Для разных областей эта ситуация имела различные последствия. В ряде районов Калининской, Костромской, Смоленской областей, где раскрестьянивание зашло слишком далеко, и привычка к домашнему сельскохозяйственному труду была утрачена, с упадком совхозов рвались последние нити, удерживавшие людей на селе. Имел место и обратный процесс. В первую очередь он был характерен для территорий с сохранившимися крестьянскими традициями и наиболее ярко проявился в Брянской и Орловской областях, где даже был отмечен обратный отток из совхозов в колхозы.

Исследователями отмечено, что интенсивное культивирование личного подсобного хозяйства более свойственно колхозникам, чем рабочим совхозов в связи с разными ценностными ориентациями тех и других.¹⁰⁵ Можно предположить, что значительная часть новых рабочих совхозов после предоставления им некоторых экономических гарантий в виде

фиксированной оплаты труда, предпочла вернуться к традиционной форме ведения хозяйства. На это косвенно указывает то, что колхозы не были подвержены резким колебаниям уровня производительности труда во второй половине 60-х гг., что нередко наблюдалось в совхозах из-за большей нестабильности рабочей силы. Возможно, что колхозная форма общественного производства являлась более оптимальной для местных условий. Относительная непривлекательность городского образа жизни у работников колхозов по сравнению с занятыми в совхозах, а также с сельскими жителями других областей объясняется замедленным переходом населения Брянщины и аналогичных по условиям прилегающих к ней районов других областей к новому типу воспроизводства населения вследствие более высокого уровня рождаемости на селе.

Повышение интереса к работе в личных подсобных хозяйствах было характерно для Нечерноземья в целом. Начиная с середины 60-х гг. и вплоть до 1973 г. наблюдалась тенденция увеличения доходов от ЛПХ. За этот период в РСФСР они возросли на 16,8 %, а в Нечерноземной зоне — на 26,9 %¹⁰⁶.

Изменения в демографическом состоянии западно-русской деревни, вызванные мероприятиями 1965—1966 гг., можно, таким образом, представить двояко. С одной стороны, это продолжавшееся раскрестьянивание и в недолгой перспективе приобретение селянами статуса городских жителей в районах, наиболее запущенных в социально-бытовом плане. С другой — возвращение к традиционной крестьянской форме хозяйствования и возобновление личных подсобных хозяйств там, где условия были для этого относительно благоприятны. В областях Центрального Нечерноземья безусловно преобладающим был первый путь.

К сожалению, не представляется возможным подтвердить предположение об обратном оттоке в колхозы необходимыми статистическими данными. Причина — отсутствие сведений о межпоселенных перемещениях, позволяющих судить о движении населения между колхозами и совхозами, а также неразработанность статистики личных подсобных хозяйств. Мы вынуждены поэтому довольствоваться косвенными доказательствами. Кроме того, не следует забывать, что параллельно названному шел процесс перетекания трудовых ресурсов из личных хозяйств в

общественное производство, вступивший во второй половине 60-х гг. в завершающую фазу. Это делает еще более затруднительным анализ положения дел. Сам же по себе факт роста доходности подсобных хозяйств в условиях дефицита рабочих рук выглядит с учетом последнего обстоятельства еще более красноречивым.

К концу 60-х гг. стало возможным говорить об исчезновении кардинальных различий между колхозами и совхозами в уровнях благосостояния работников. Однако урбанистическая ориентация совхозов по-прежнему выделяла их в сравнении с колхозами. Упор на сближение двух форм общественного производства во второй половине 60-х гг. выразился, во-первых, в постепенно расширявшейся и достигнувшей пика к середине следующего десятилетия кампании ликвидации мелких населенных пунктов; во-вторых, в курсе на развитие промышленных производств на селе. Впрочем, эти процессы были взаимозависимыми. С целью трудоустройства селяемых в условиях ограниченного доступа для них объектов сельского хозяйства (особенно в Нечерноземье с традиционными его бедами — чрезмерной дисперсностью расселения и плохими дорогами) приходилось думать о росте промышленного производства.

Бесспорно, совхозы имели больше шансов преуспеть в этом деле в сравнении с колхозами. Но программа индустриализации села, здравая по сути, была запоздала. Положительный эффект от ее проведения сводился на нет практикой ликвидации мелких поселений. Целью программы была оптимизация условий жизни на селе с точки зрения городского человека. За эталон при этом принимались, как правило, совхозы с развитым промышленным производством. Жителям села предлагался некий промежуточный вариант между городом и селом, который должен был соединить преимущества городского и сельского типов. На деле этот вариант соединял в себе недостатки обоих — отсутствие возможности вести свое хозяйство (или большое ограничение этой возможности), характерное для города, и сохранявшуюся недоступность городских благ, извечную сельскую проблему с момента появления городской цивилизации. Достигавшаяся в результате маргинализация сельского населения, утрата им выраженного статуса сельских жителей превращала людей в мигрантов.

Для урбанизированного региона, каким является Нечерноземье, важным представляется и сопоставление уровня доходов в промышленности и сельском хозяйстве. Даже образцовые хозяйства редко в конце 60-х гг. могли дать более 70 руб. в месяц, тогда как в промышленности заработная плата была минимум на треть выше¹⁰⁷.

Итак, степень развития сельской экономики в областях Центра России варьировалась в зависимости от количества местных трудовых ресурсов. Тенденции развития сельского хозяйства региона в целом соответствовали изменениям, происходившим в Нечерноземье в целом. Но разный баланс трудовых ресурсов ставил области ЦЭР в неравные условия и заставлял искать оптимальные формы хозяйственной деятельности применительно к количеству рабочих рук. Попытки улучшения положения дел в аграрном секторе при несомненной позитивности итогов некоторых из них были недостаточно ориентированы на конкретного сельского труженика, а потому в конечном счете не могли остановить процесс обезлюдения села. Ситуация максимально осложнилась к концу 60-х гг., не оставляя возможностей для дальнейших экспериментов. Требовались чрезвычайные меры по остановке раскрестьянивания, созданию благоприятных условий хозяйствования на земле. Но существовавшая система ничего не могла противопоставить перевороту в сознании жителя села, заставлявшему его все сильнее ориентироваться на город. Это усугубило положение в сельском хозяйстве и привело к его затяжному кризису.

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН

Материалы предыдущей части работы призваны оценить условия, определявшие состояние деревни. Но конкретные причины миграции требуют дополнительной детализации. Нам известны направления политики в деревне, но неясно, как они отражались на благосостоянии отдельной сельской семьи, из чего складывались ее доходы. Кроме того, надо обратить внимание и на другие факторы, определявшие быт жителей села. Полученные в результате подобного подхода выводы должны способствовать пониманию истоков различий в интенсивности миграционных потоков по годам и областям. Приведенные ниже сведения относятся в основном к западным областям ЦЭР. Представляется при этом, что Брянская область в большой степени отразила тенденции, характерные для юга региона, переходного к черноземной полосе; Смоленская по типу расселения и характеру хозяйства более тяготеет к северу; наконец, в Калужской области, наиболее близкой к Москве, наблюдались процессы, общие для всех регионов с пригородной системой сельского хозяйства (в т.ч. Ивановской, Владимирской, Рязанской). Как говорилось выше, Московская область имела ярко выраженную собственную специфику развития.

Очевидно, что основными источниками доходов крестьянской семьи были поступления от общественного и личного хозяйства. Подчиненный характер личных подсобных хозяйств определял такое положение, при котором изменение баланса доходов семьи в каждом случае целиком зависело от состояния общественного производства. В условиях минимальных выплат от колхозов в первые послевоенные годы естественным было интенсивное культивирование личных подсобных хозяйств. Рост личного сектора был необходимостью. За счет него существовали не только семьи колхозников, но подчас и сами колхозы. С ростом благосостояния колхозов и совхозов стало возможным ограничить подсобные хозяйства, что и было сделано по окончании восстановительного периода. (З.И.Калугина определяет это как смену приоритетов аграрной политики — экономическая ориентация в 60-е гг. уступила место политической¹).

В начале 70-х гг. среди областей региона наименьшей была оплата труда колхозников Брянской и Орловской областей². На окончательный размер дохода влияли не только малая трудовая нагрузка и слабая механизация. В отмеченных областях при сохранении относительно высокой рождаемости сравнительно высоким был удельный вес иждивенцев и, соответственно, низким — число работающего населения. Низкие доходы работающих, таким образом, особенно сильно здесь уменьшались при расчете на душу населения. При этом необходимо отметить, что из-за высокого коэффициента детности наибольшее число иждивенцев было в младших возрастах³.

Абсолютные показатели уровня доходов не позволяют судить о реальном уровне благосостояния крестьянства. Несмотря на то, что доходы населения в Брянской области были ниже, чем у соседей, часть денежных средств не участвовала в обороте и оседала у жителей. Причины этого просты — недостаточное удовлетворение спроса на товары, недостаточное жилищное строительство на кооперативных началах в сельской местности, низкий уровень бытового обслуживания.

Характерно, что наибольшая эмиссия денег (70 млн. руб. из 82,8 по области по состоянию на 1 января 1973 г.) падала на сельские районы, в том числе:

- Стародубский — 8,6 млн. руб.
- Погарский — 5,8 млн. руб.
- Унечский — 4,8 млн. руб.
- Карачевский — 4,6 и т.д.⁴

Таким образом, в ходе последующего рассмотрения вопроса необходимо учитывать и это обстоятельство во избежание упрощенного представления о бюджете сельской семьи. Оно должно быть распространено и на другие области региона.

Вернувшись из 70-х годов на четверть века назад, обнаружим, что и в первое послевоенное время брянские колхозники получали на трудодень меньше, чем их соседи. По свидетельству О.М.Вербицкой, выплаты на Брянщине были наименьшими по Нечерноземью⁵. В одной только Московской области показатели превышали средние данные по РСФСР⁶.

Красноречиво сопоставление числа выработанных трудодней в расчете на одного трудоспособного колхозника для Калужской области и Краснодарского края — 180 против 443 в 1946 г.⁷ В Смоленской области в 1946 г. на одного работающего приходилось 272 трудодня⁸. Это сравнительно высокий для региона показатель, но достигался он за счет того, что в общественном производстве участвовало лишь 57,2 % трудоспособных⁹.

Вместе с тем, количество выработанных трудодней не было прямо связано с реальными доходами колхозников. Так, во многих колхозах Калининской области, выполнившей план хлебосдачи и полностью рассчитавшейся с государством, для оплаты трудодней не оказалось зерна. Выдача хлеба не производилась в 50,1 % колхозов Орловской области. Похожая ситуация наблюдалась и в ряде других областей¹⁰.

Изменение количества выработанных трудодней в расчете на одного работающего в сторону уменьшения в последующие годы свидетельствует не столько о падении трудовой активности, сколько о медленном росте числа работавших вследствие демобилизации из армии. Так, на Смоленщине в 1947 г. в среднем одним работавшим вырабатывался 251 трудодень, в 1949 — 253¹¹.

Низкие показатели трудового участия объясняются необходимостью работы в личном подсобном хозяйстве как чуть ли не единственном средстве выживания в тех условиях, а для большинства областей Центра — еще и отходничеством. Абсолютизация плана госпоставок приводила к тому, что исчезала заинтересованность колхозников в своем труде. Крайне низкие урожаи зерна в 1948 г. в Центральной России привели к тому, что в Брянской, Московской, Рязанской и некоторых других областях количество хозяйств, не выдававших зерна на трудодни, было наибольшим по стране¹². И.М.Волков указывает, что в 1949 г. в Калужской и Смоленской областях колхозники работали практически только в личных подсобных хозяйствах, так как ничего не получали на трудодни, выработанное количество которых было поэтому минимальным¹³.

Было бы логично предположить, что вследствие льноводческого характера хозяйства северных областей Центра, а также Смоленщины трудовые затраты были здесь выше, а значит, больше количество зарабо-

танных трудодней. Но прямая зависимость между затраченным трудом и размерами выплат отсутствовала. В 1950 г. руководители Смоленской области в письме к Г.М.Маленкову сообщали, что нагрузка на одного трудоспособного очень высока, она возросла с 2,54 га в 1949 г. до 3,06 га в 1950 г., а в некоторых районах — до 5 га и более¹⁴. Для сравнения — в соседней Брянской области нагрузка посевной площади на одного трудоспособного в 1949 г. в основном (в 75 % случаев) составляла от 1,4 до 2,6 га, хотя и варьировалась по районам от 0,5 до 15,0 (!) га¹⁵.

Поэтому вполне объясним тот факт, что только за два года, с 1948 по 1950 гг., количество колхозного населения Смоленщины уменьшилось на 70,9 тыс. чел., в том числе трудоспособных — на 37,1 тыс. чел.¹⁶. Обнаружившийся уже в те годы недостаток рабочих рук поставил Смоленскую область в тяжелое положение и сильно повлиял на характер последующего ее развития.

Одно из многих подобных ему в то время хозяйств — колхоз «Новый путь» Ярцевского района. Он имел 23 крестьянских двора, 26 трудоспособных, из них 16 женщин. У трети трудоспособных не было в 1948 г. ни одного заработанного трудодня — сказывалось ко всему прочему отсутствие детских дошкольных учреждений. В колхозе было 3 лошади, 6 коров, 19 голов молодняка и 18 овец. Только 10 крестьянских хозяйств имели коров. На трудодни здесь выдавалось в 1946 г. — 62 г зерна, в 1947 г. — 200 г. Большинство молодежи подали заявления об уходе из колхоза, правда, безрезультатно. Был случай самовольного ухода в МТС¹⁷.

Одним из правительственных декретов тех лет было постановление Совета Министров СССР «О мерах по улучшению организации, повышению производительности и упорядочению оплаты труда в колхозах», датированное 19 апреля 1948 г.¹⁸ Оно устанавливало дополнительную оплату труда в экономически сильных хозяйствах. В Центре им было охвачено 15—25 % колхозов. Для сравнения: в Сибири и на Ставрополье таких колхозов было 60—75 %¹⁹.

Впрочем, впоследствии дополнительные выплаты вводились в большем количестве хозяйств. Например, в Брянской области в 1951 г. их применяли 736 колхозов. Колхоз «Путь Ленина» Трубчевского района

Брянской области выплачивал на трудодень 3,50 руб. (средний показатель по Центральному району — 0,33 руб., по России — 0,64 руб.²⁰). Здесь же выдавалось на трудодень по 2 кг зерна, 2,5 кг картофеля, 1 кг овощей²¹. При нетипичности этих данных на фоне среднероссийских для Брянской области они выглядели тем более аномальными — здесь в среднем выплачивалось в 1951 г. только 0,32 руб. и 0,8 кг зерна на трудодень²².

В.Б.Островский приводит письмо А.А.Андрееву от колхозника из Карачевского района, где тот пишет, что выплаты на трудодень крайне малы, они меньше 1 кг зерна, а часто не дотягивают и до полкилограмма²³. Общее положение оставалось тяжелым, несмотря на то, что по количеству выработанных трудодней на одного трудоспособного (256 в 1951 г.²⁴) Брянская область выглядела благополучнее своих соседей.

Несколько уменьшилось со временем количество колхозов, не производивших выплаты. В Брянской области в 1951 г. в 17 колхозах не выдавалось зерно, в 496 — деньги²⁵.

После 1947 г. серьезной причиной частого невыполнения норм выработки, помимо низкой оплаты, стало увеличение этих норм. В 1951 г. 13,5 % колхозников Брянской области не вырабатывали минимума трудодней²⁶. В 1952 г. 6,5 % трудоспособных не вырабатывали минимума по уходу за посевами, 6,2 — на уборке. В 1953 г. эти цифры увеличились соответственно до 8,6 и 9,4 %.

Невыполнение норм было скорее правилом, чем исключением для всех видов сельскохозяйственных работ. В 1952 г. лишь 34 % трактористов страны выполнили нормы выработки, несмотря на то, что условия труда этой категории работников были лучшими, чем в других отраслях аграрного производства²⁷.

Практиковалось исключение из колхоза за постоянное невыполнение норм, например, в Калужской области в 1952 г. — за 87 выработанных трудодней²⁸. Среди других форм воздействия было уголовное преследование нерадивых работников, которое затем «смягчалось» — отбирали приусадебные участки — основное средство пропитания²⁹.

Меры репрессивного характера применялись и в других случаях. Так, по суду с колхозника Думиничского района Калужской области

было взыскано 2150 руб. штрафа с изъятием коровы за недопоставку 57 кг мяса и 319 л молока³⁰. Норма сдачи с одного колхозного двора в 1953 г. составляла 40—60 кг мяса, 100—280 л молока и несколько десятков яиц³¹.

Вполне объяснимо в связи с этим продолжение практики выезда на посторонние заработки, доставшейся в наследство от предыдущих поколений жителям нечерноземного села. Например, в 1952 г. из Ульяновского района Калужской области выехало около 600 человек, многие из которых летом, в разгар полевых работ, что само по себе показательно. Выезжали на торфоразработки и для работы пастухами в Ярославскую и Смоленскую области³².

Из чего складывалась структура доходов сельской семьи? В целом по стране она выглядела следующим образом (в %):³³

Таблица 2.

Источники доходов	1953 г.	1958 г.	1963 г.
От колхозного хозяйства	33,4	41,3	42,7
От личного подсобного хозяйства	45,7	42,6	42,9
От работы в государственных и кооперативных организациях	18,5	14,7	12,2
Прочие доходы	2,4	2,0	2,2

С учетом специфики Центра — низкой хозяйственной эффективности, слабой механизации, разрушительных последствий войны — можно предположить, что удельный вес доходов от личных подсобных хозяйств был значительно выше, а поступления от колхозов — ниже, чем в целом по стране. Выезд колхозников на заработки входит в графу доходов от работы в государственных и кооперативных организациях.

Эти предположения подтверждаются сведениями, относящимися к 1956 г. Имея в виду, что практика распределения доходов не могла за несколько лет претерпеть существенные изменения при неизменных управленческих структурах, можно рассматривать эти данные как достаточно характерные для протяженного временного отрезка.

Из таблицы видно, каким образом распределялся доход в некоторых колхозах Унечского района Брянской области:³⁴

Таблица 3.

Колхоз	Совокупный доход за 1956 г., тыс. руб.	из них, тыс. руб.	
		на нужды хозяйства	на трудодни
«Путь к коммунизму»	175	71	9
им. Андреева	370	107	6
«1 Мая»	105	88	—

Как видим, вне зависимости от уровня благосостояния колхоза, колхозники едва ли могли рассчитывать на адекватную оплату своего труда. Низкая хозяйственная самостоятельность колхозов не позволяла увеличивать фонд оплаты труда даже там, где правление было готово пойти навстречу нуждам людей.

Еще один факт, свидетельствующий о слабой соотнесенности уровня экономического развития колхоза и благосостояния его членов — то обстоятельство, что на рубеже 40-х — 50-х гг. количество скота в личных хозяйствах колхозников в слабых колхозах иногда было не меньше, чем в сильных и нередко превосходило общественное стадо³⁵.

Необходимость заставляла крестьян заниматься также выращиванием зерновых при том, что себестоимость такого хлеба в условиях немеханизированного труда была очень высока. Количество зерна, произведенного в личном подсобном хозяйстве, не могло быть поэтому значительным и служило лишь дополнением к выплатам на трудодень из колхоза. В 1950 г. на душу населения в среднем по стране приходилось 31,2 кг зерна от личных хозяйств, в то время как на трудодни выплачивалось 170 кг³⁶. Сельскохозяйственная специализация исследуемого региона несколько увеличивала это соотношение в пользу выплат от колхоза. Основная культура, выращиваемая в личных подсобных хозяйствах Центра — картофель. Его потребление многократно превышало здесь потреб-

ление зерна и овощей, а доля личных подсобных хозяйств в производстве картофеля на душу населения была многократно выше соответствующих выплат от колхоза на трудодни³⁷. В 1953 г. колхозниками областей ЦЭР в среднем на семью в личном подсобном хозяйстве было получено примерно по 4,5 т картофеля, в то время как от колхоза на трудодни — всего 499 кг³⁸.

Следует упомянуть о существовании прямой зависимости колхозов от личных подсобных хозяйств их членов. Об этом свидетельствуют, в частности, приведенные выше данные норм продуктовых поставок с крестьянского двора. В значительной степени рассчитываясь с государством за счет продуктов, произведенных в личных подсобных хозяйствах, колхозы полагали своей обязанностью лишь заботу о выращивании зерна и технических культур. Курс на ограничение личных подсобных хозяйств был провозглашен еще в конце 40-х гг., но в условиях малочисленности общественного стада не мог быть продолжительным.

Доля личных хозяйств в общей товарной продукции сельского хозяйства, составляя 27 % в 1940 г., к 1960 г. снижается до 15 %, а доля колхозной торговли во всем розничном товарообороте (она велась, как правило, продукцией личных хозяйств) упала с 12 % в 1950 г. до 3 % 70-е гг., в том числе по продовольственным товарам — с 18 % до 4 %³⁹. Эти данные представляются значимыми постольку, поскольку исследователи единодушно признают роль развитых подсобных хозяйств в торможении миграции сельского населения⁴⁰.

Приведенные факты имеют прямое отношение к исследуемому региону. Специализация на выращивании льна действовала разрушающе на подсобные хозяйства колхозников, так как уменьшала зависимость руководства колхозов от продукции этих хозяйств. А с учетом того, что лен, как трудоемкая культура, оставлял меньше времени для домашних забот, практика ограничения личных подсобных хозяйств не всегда встречала серьезное сопротивление со стороны колхозников. Такое положение предопределяло более низкий уровень жизни в льносеющих областях по сравнению с их соседями и усиливало хронический недостаток рабочих рук.

При рассмотрении вопроса о доходности личного подсобного хозяйства следует учитывать, что ее достижение не было главным для колхозника. Культивирование личных подсобных хозяйств часто имело целью не получение прямых доходов, а восполнение недостатка ассортимента предлагаемых колхозом и торговлей продовольственных товаров и было сопряжено с расходами, иногда не покрывавшимися полученным урожаем⁴¹. При отсутствии ориентации на доходность подсобное хозяйство лишь отчасти препятствовало формированию у жителей села миграционной ориентации, так как свидетельствовало о слабо развитой инфраструктуре села, заставлявшей тратить много времени и сил для самообеспечения крестьянской семьи нужной продукцией. К тому же нормы ежегодных продуктовых поставок вынуждали колхозников расширять посевные площади.

Либерализация отношения к налогу с колхозников, связанная с решениями 1953 г. по сельскому хозяйству — списание задолженности, твердая ставка налога, ее уменьшение примерно в 2 раза⁴² — существенно облегчила положение людей. Произошедшие перемены делали возможным уменьшение посевной площади на приусадебном участке. Если в Брянской области под посевами в личных подсобных хозяйствах было 74,5 тыс. га, то в 1956 г. этот показатель упал до 69 тыс. га⁴³. Характерно принятие Калужским облисполкомом решения, датированного апрелем 1954 г., регулирующего порядок уменьшения размеров приусадебных участков по заявлениям пользователей этих участков⁴⁴. Одновременно наблюдался рост численности скота в личном пользовании. Если в 1951 г. не имело скота 44,5 % колхозников страны, то в 1956 г. — 28,5 %⁴⁵. Подобная ситуация была и в областях Центра⁴⁶. С отменой обязательных поставок сельхозпродукции с 1 января 1958 г. наблюдался дальнейший, правда кратковременный, рост численности скота в личном пользовании.

Правительство регулировало степень приверженности крестьян к общественному производству: для единоличников норма сдачи определялась на 50 % выше, чем для колхозников⁴⁷. Члены колхоза выглядели здесь предпочтительнее и по сравнению с другими категориями сельских работников. Рабочие и служащие совхозов, которые не испытали давления сельхозналогом и были не прочь расширить свои участки, встречали

на этом пути жестокое сопротивление. Размер участка определялся для них в 0,25 га, а в пригородных зонах — в 0,20 га, включая площадь, занятую постройками. Для рабочих других государственных предприятий эта норма была еще ниже — 0,10—0,15 га⁴⁸. Для сравнения: по данным М.А.Безнина, средняя обеспеченность крестьянского двора землей составляла по Нечерноземью в 1950—1952 гг. 0,34 га, и в середине 50-х гг. уменьшилась в среднем на 0,15 га⁴⁹. Попытки расширения своих участков со стороны рабочих и служащих представлялись как «посягательства на частнособственнических элементов при потворстве местных органов»⁵⁰.

Большой размер приусадебного участка по сравнению с наделами рабочих государственных предприятий был определенной, хотя и весьма спорной компенсацией колхознику за отсутствие иных социальных преимуществ. Безусловно, они были одной из наименее социально защищенных категорий сельского населения. Гарантированная оплата труда рабочих совхозов ставила их в привилегированное положение. Постановлением ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР от 21 апреля 1949 г. на государственное обеспечение были взяты зоотехники, ветврачи и ветфельдшеры⁵¹. В 1950 г. было установлено, что государственную пенсию сохраняют председатели колхозов из рабочих и служащих⁵². В 1955 г. это правило было распространено и на тридцатитысячников⁵³.

Отсутствие фиксированных выплат рядовым членам колхоза делало их заложниками местных властей, лишало самостоятельности и уверенности в будущем, формировало стремление покинуть свое хозяйство. Мероприятия 1953 г., при всех их положительных моментах, не разрешили многих проблем. А потому за ними последовал новый, на этот раз легальный для беспаспортной советской деревни отток крестьян в города. Его усиление во второй половине 50-х гг. обязано исключительно политике, проводимой по отношению к личным подсобным хозяйствам, ее перемене с «охранительной» на «ограничительную»⁵⁴. Именно нарушение привычного порядка жизни, а не распространение городских стандартов играло на том этапе главную роль при принятии решения о переезде в город. Сельскому жителю 50-х гг. не были близки настроения жителя городского. Замечено, что экономические факторы, формирующие общие

условия жизни, более значимы при определении типа демографического поведения, чем уровень урбанизации⁵⁵.

С восстановлением колхозного производства во второй половине 50-х гг. стало возможным говорить о повышении доли выплат от колхозов в общем балансе доходов работников (см. табл. 2 на стр. 60). Нельзя не заметить, что при повышении доли колхозных выплат за десятилетие почти на 10 %, часть дохода, приходившаяся на личные хозяйства, уменьшилась незначительно. Гораздо более ощутимо сократилась доля доходов от работы в государственных и кооперативных организациях, что свидетельствует о прогрессирувавшем отказе от побочных заработков, поиск которых в условиях села был сопряжен с определенными трудностями. Устойчивость доли поступлений от личных хозяйств в балансе доходов колхозников свидетельствует об органичности этой формы производства и позволяет адекватно оценить ущерб, нанесенный селу в результате целенаправленного деструктивного воздействия на личные хозяйства.

Из данных вышеупомянутой таблицы неопровержимо вытекает и другой вывод — повышение роли колхозов в благосостоянии колхозника. За пятилетие с 1953 по 1958 гг. денежные выплаты на трудодень по РСФСР в ценах того времени возросли в 3,5 раза. Центральные области России изначально характеризовались гораздо меньшими показателями денежных выплат, поэтому темпы их роста оказались большими. Тем не менее, среднереспубликанские показатели здесь так и не были достигнуты (если в среднем по РСФСР на трудодень в колхозах в 1958 г. выплачивали 3,76 руб., то в Центре — только 3,08 руб.) Причем оплата была тем выше, чем ближе к Москве располагалась территория. Так, чрезвычайно большим рост денежных выплат был в хозяйствах Калужской области. Это обстоятельство уже отмечалось исследователями ранее. Говорилось, в частности, что с 1951 по 1958 гг. денежные доходы колхозников здесь возросли в 8,8 раз. При этом увеличились не только денежные, но и натуральные выплаты. В 1958 г. 35,4 % колхозов Калужской области выдавали свыше 1 кг зерна на трудодень при том, что в 1951 г. более чем в половине хозяйств выдачи составляли 300 г и менее⁵⁶. Решающую роль при этом играл пригородный характер хозяйства⁵⁷. Н.С.Иванов объясняет это обстоятельство тем, что во многоотраслевых хозяйствах фонд оплаты

труда в результате мер по подъему аграрного сектора экономики был выше⁵⁸.

Преимущества хозяйств, возделывавших технические культуры, также давали возможность увеличивать размер выплат колхозникам, но роста их доходов в льносеющих областях почти не было. Причина видится в исключительной тяжести труда в льноводстве. В середине 50-х гг. более 70 тыс. га льна колхозники Смоленской области обмолачивали вручную. Это отвлекало 70 % трудоспособных в период уборки. Тем не менее, обмолот заканчивался не в августе, а в ноябре. Необходимость скорейшей уборки заставляла пренебрегать торфом и добывать его зимой, что очень ущемляло интересы колхозников. Во время сельхозработ люди стояли перед проблемами во-первых, недостатка техники, а во-вторых, невозможности ее высокопроизводительного использования в условиях избыточного увлажнения и большой пересеченности местности⁵⁹. Естественны в такой ситуации и меньшее количество выработанных трудодней, и меньшие доходы, и стремление найти менее обременительную работу.

Кроме специализации хозяйств, влиявшей на суммы денежных выплат, при рассмотрении размеров доходов колхозников необходимо принять во внимание и другие соображения. Признавая за хозяйствами Калужской области первенство в денежной оценке трудодня, попробуем сопоставить показатели других выдач (см. таблицу):

Таблица 4.
Выдача зерна и зернобобовых на 1 трудодень и 1 колхозный двор⁶⁰.

Регион	На 1 трудодень, кг		На 1 колх. двор, ц	
	1951 г.	1958 г.	1951 г.	1958 г.
РСФСР	1,44	1,53	6,48	9,9
Центральный район	1,00	1,07	4,04	5,9
Брянская область	0,79	1,00	3,10	5,0
Калужская область	0,39	0,94	5,13	5,0
Смоленская область	0,36	0,83		*

* Сведения не обнаружены.

Нетрудно убедиться, что самыми значительными среди западных областей были выдачи в Брянской области, хотя и наблюдалась тенденция к выравниванию. Вместе с тем средний колхозный двор Брянской области получал зерна меньше, чем в Калужской, хотя впоследствии разрыв и здесь сократился. На наш взгляд, данные свидетельствуют о большем удельном весе изживенцев в сельском населении Брянской области.

Некоторые вариации в оплате человека-дня не нарушали в целом неудовлетворительной картины, наблюдавшейся в регионе. Колхозники Центра получали почти в два раза меньше, чем в среднем по стране и в три раза меньше, чем работники совхозов. А весь доход, включая поступления от личных подсобных хозяйств, был в 3—4 раза ниже, чем в хлопкосеющих районах⁶¹. По стране в это время было немало таких районов, где заработок в колхозах и совхозах был примерно одинаков (Алтайский, Краснодарский, Ставропольский края и т.д.)⁶².

Кроме вполне очевидной более низкой оплаты труда в колхозах в сравнении с совхозами существовали и другие недостатки системы оплаты⁶³. Краеугольным же камнем была непродуманность системы материального стимулирования. До 1953 г. разница в уровнях оплаты равного труда отдельными колхозами Ельнинского района Смоленской области составляла 15—17 раз. Эти различия сохранялись и позже, хотя и уменьшились. В 1959 г. они варьировались от 9 до 12 раз⁶⁴. Велик был разрыв в оплате между крайними разрядами тарифной сетки даже в рамках одного хозяйства. В колхозе «Родина» Ельнинского района оплата за норму выработки при перелопачивании зерна (3,60 руб.) была примерно в 8 раз меньше расцепок за почную сушку льносемян (29,40 руб.). В то же время в совхозах разница в оплате крайних разрядов сетки составляла всего 2 раза⁶⁵. Причину такого несоответствия Т.И.Заславская видела в том, что в колхозах выплаты были менее регулярны. Это влекло за собой снижение трудовой дисциплины, а значит, большую дифференциацию в уровнях оплаты⁶⁶.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 марта 1956 г. «О ежемесячном авансировании колхозников и дополнительной оплате труда в колхозах»⁶⁷ было призвано улучшить ситуацию. Рекомендовалось выдавать авансом суммы, получаемые сверх 25 % денежных

доходов и сверх 50 % денежных средств, предназначенных на авансирование по контрактации, закупкам и обязательным поставкам⁶⁸.

Одновременно начал распространяться порядок, при котором вводилась гарантированная денежная оплата без начисления трудодней. При отсталости большинства хозяйств Центральной России не приходилось, к сожалению, говорить о сколько-нибудь широком его распространении. В 1958 г. система гарантированной оплаты была введена лишь в 234 колхозах Центра (6,7 % от общего их числа)⁶⁹.

Авансирование имело более счастливую судьбу. В том же 1958 г. оно применялось в 99,4 % колхозов Калужской области, которая, правда, числилась среди благополучных⁷⁰. Не менее благополучная Смоленщина тоже не отставала. В 1956 г. авансирование применялось здесь в 1391 колхозе из 1408, причем суммы выплачивались самые разнообразные — от 30–50 коп. на трудодень до 5 рублей⁷¹.

Попыткой обеспечить благоприятное развитие колхозов на продолжавшейся волне их преобразования в совхозы было введение дополнительной оплаты для работников отстающих хозяйств. В колхозе «Победа» Угледско-Заводского района Калужской области при урожайности от 8 до 12 ц/га 4 % валового сбора шло в дополнительную оплату, а при показателе свыше 16 ц/га — 10 %. Эта мера дала некоторый эффект — за 2 года урожайность здесь поднялась на 3–4 %⁷².

Вообще период 1956–1958 гг. должен считаться одним из самых удачных для колхозов за все послевоенное время. В 1956 г. смоленское руководство рапортовало, что 250 колхозов области имели доход более миллиона рублей, 114 — более 800 тыс., 274 — от 500 до 800 тыс., 717 — от 100 до 500 тыс. руб. В среднем на трудодень выдавалось 3 руб. денег (0,55 руб. в 1953 г.) и 1 кг зерна (0,44 кг в 1953 г.)⁷³. Но цифры эти немного меняли в положении колхозников. Достигнутое благополучие было очень относительным и нестабильным. Свидетельство тому — некоторые факты из того же времени.

В деревне Галесевка колхоза им. К. Маркса Батуринского района Смоленской области из 12 трудоспособных не работали: весь год — 1 чел., 11 месяцев — 2 чел., 10 месяцев — 2 чел. Только 2 колхозника выработали минимум трудодней, одним из которых был почтальон. С января по

май 1958 г. из 12 человек 10 ни разу не работали в колхозе. В личном пользовании четырех хозяйств находилось 8 голов крупного рогатого скота, 9 свиней, по 3—4 овцы, 7 ульев. Хозяйство было здесь практически натуральным⁷⁴.

В колхозе им. Калинина Гордеевского района Брянской области на начало 1958 г. числилось 260 хозяйств, 1136 га пашни, 515 колхозников. Из них фактически работало не более 300 человек, в том числе 155 престарелых и подростков. Вне колхоза трудилось 118 трудоспособных. Таким образом, складывалась ситуация, когда трудоспособные искали работу на стороне, а нетрудоспособные трудились в колхозе. Несмотря на то, что оплата труда возросла втрое по сравнению с предыдущими годами, только за январь—июль 1958 г. из колхоза выбыло 20 трудоспособных, часто не ставя при этом в известность администрацию⁷⁵.

Подтверждение тому, что возросшие экономические показатели колхозов не означали переворота в благосостоянии колхозников, пришлось уже через год-два, к началу 60-х гг. Эксперименты в аграрном секторе, проводимые в то время, не учитывали реальных возможностей сельского хозяйства, а потому действовали губительно. Только за 1959 г. число трудоспособных колхозников одной Смоленской области уменьшилось на 38 тыс. чел. В среднем по области на каждого трудоспособного в колхозном полеводстве приходилось 14 га, в том числе 8,3 га пашни, 0,8 га льна⁷⁶. Вот почему на засеваемых модной, но трудоемкой кукурузой полях работать было некому, а из-за отсутствия техники — нечем.

С 1959 г. наблюдалась тенденция сокращения доходов колхозников. В целом по стране данные выдачи колхозникам зерна на один колхозный двор в 1955 г. почти вдвое превышали соответствующие показатели, отнесенные к 1962 г.⁷⁷

Нередко возникали ситуации, напоминавшие период послевоенного восстановления, например, когда колхозникам выдавалось на трудодень 300 г зерна и 500 г сена (колхоз им. Сталина Спас-Деменского района Смоленской области)⁷⁸. Работники колхоза «Новый быт» Брасовского района Брянской области получали 500 г зерна и 5 коп. деньгами, причем назначенная оплата так и не была полностью выплачена. В одном этом колхозе задолженность колхозников по ссудам на 1 января 1964 г.

составляла 130 тыс. руб.⁷⁹ Можно привести и другие подобные примеры. В справке Смоленского обкома КПСС, датированной 1961 годом, отмечалось, что почти все колхозы области находились в крайне тяжелом положении и не могли нормально вести свою производственно-финансовую деятельность. Динамика выплаты денег из расчета на 1 трудодень в среднем по области выглядела следующим образом:

1956 г. — 3,50 руб.*

1957 г. — 3,10 руб.

1958 г. — 2,80 руб.

1959 г. — 2,70 руб.⁸⁰

* в старом денежном выражении.

С начала 60-х гг. в системе оплаты сельскохозяйственного, и в частности, колхозного труда начала действовать новая тенденция — медленного увеличения денежных выплат⁸¹. Рост выплат сопровождался одновременным снижением выдачи зерна. Налицо было действие двух разнонаправленных сил: общему ухудшению экономической ситуации и соответственно с этим объективному сокращению доходов работающих в аграрном секторе противодействовала свободная от колебаний экономической конъюнктуры, хотя и считавшаяся с ней, административная линия на увеличение денежных выплат. Политика повышения удельного веса денежных доходов в структуре доходов сельской семьи была провозглашена еще в 1956 г. и до конца десятилетия проводилась с разной степенью интенсивности. Неудачи аграрных мероприятий семилетки и форсированное отчуждение колхозников и рабочих совхозов от личных подсобных хозяйств остро поставили проблему стабилизации трудовых ресурсов села. Можно утверждать, что на рубеже 50-х — 60-х гг. советский аграрный сектор вступил в один из серьезных этапов своего кризиса.

Специфика исследования требует выяснения места отдельно взятого жителя села в проходивших процессах для определения его миграционных мотиваций. С этой точки зрения интересно следующее суждение: «Можно человеку недоплачивать, антистимулировать его труд, а он работает, можно продолжить линию антистимулирования, а он, бедолага, все равно работает, но наступает момент — количество переходит в качество, он перестает работать, и тогда его уже никакими силами к работе

не вернуть. Так произошло и с нашей деревней»⁸². С большой долей уверенности можно предположить, что упомянутый переход количества в качество наступил в годы семилетки. Массовый отказ от работы на земле именно тогда стал необратимым явлением. Борьба с этой бедой, осознание которой только начиналось, не принесла желаемых результатов. В 1957—1958 гг. начали вводить пенсии для колхозников, правда, в большинстве областей Центра размеры их были мизерны по сравнению со средними данными по РСФСР. Так, на 700 руб. среднереспубликанских выплат из расчета на одного нетрудоспособного колхозника в год приходилось лишь 183 руб. по Калужской области⁸³. В 1962 г. в 65 из 262 колхозов Смоленской области была введена прямая денежная оплата, без учета трудодней. В числе этих 65 были как сильные, так и слабые хозяйства⁸⁴. Это свидетельствовало о том, что политика стимулирования все в меньшей степени зависела от экономических результатов колхозов.

Изменение приоритетной миграционной мотивации, связанной с постепенным повышением уровня жизни на селе, прошло несколько этапов. Одним из них стало окончательное оформление системы пенсионного обеспечения колхозников. Уже упоминалось, что она начала складываться во второй половине 50-х гг. Причем в силу существования большого количества отсталых хозяйств в Центральном Нечерноземье число колхозников-пенсионеров здесь было очень ограничено.

Назначением пенсий ведали различные органы, так или иначе связанные с руководством колхоза, начиная от правления и до комиссии по назначению пенсий при кассах взаимопомощи. Такой местный вариант системы социального обеспечения был лишен устойчивости и не гарантировал регулярных выплат⁸⁵. Поэтому в очередной раз был принят за образец совхозный вариант. Переход вопроса назначения пенсий в ведение союзного руководства был воспринят с удовлетворением. Так же как и в деле преобразования отсталых колхозов в совхозы, передача функций управления центру хотя и означала формальную потерю самостоятельности, на деле представляла собой оптимальный в сложившейся ситуации вариант. По сути, подтверждался декоративный характер колхозного самоуправления.

Таким образом, в июле 1964 г. был принят «Закон о пенсиях и пособиях членам колхозов». Тогда же вводилась система государственного социального страхования для председателей колхозов, механизаторов и специалистов сельского хозяйства⁸⁶.

Не будет преувеличением сказать, что в максимальном выигрыше от введения государственных пенсий были колхозники Центра России. Они в наибольшей степени были заинтересованы в получении гарантий своего благосостояния. Правда, понадобилось еще три года, чтобы привести размеры пенсий колхозников в соответствие с пенсиями рабочих и служащих⁸⁷.

По тому же пути развивалась система оплаты труда в колхозах, но только основные изменения в ней пришлось на 1966 г. Сдерживающим моментом для введения системы гарантированной оплаты служило то, что слабые колхозы до 1966 г. «не имели экономической основы для перехода на гарантированную денежную оплату труда колхозников»⁸⁸. Сомнительно однако, что после 1966 г., даже с учетом улучшений в результате проведенных реформ все колхозы получили возможность обеспечить стабильный заработок своим работникам. Поэтому оплата труда из колхозных фондов часто выглядела достаточно формальной, так как само существование этих фондов во многих случаях было бы невозможно без государственных дотаций.

Изменения в аграрной политике середины 60-х гг., и в частности, усовершенствование системы оплаты труда позволили говорить о своеобразной смене приоритетов в этой сфере. Был сделан безусловно правильный вывод о том, что прирост сельскохозяйственной продукции недостижим за счет одного лишь арифметического увеличения хозяйственных мощностей и вложенных средств. Предпринимается одна из немногих попыток за нашу послевоенную историю помочь крестьянину почувствовать себя уверенно на земле. Организаторы реформ не могли не видеть противоречия, возникшего с введением системы гарантированной оплаты. В ней была заложена антистимулирующая функция — для крестьянина отпадала необходимость в повседневной борьбе за трудодни. Но в нелегких условиях деревни важнее было дать сельскому жителю ощущение

стабильности своего благосостояния, уравнивая его в этом отношении с жителем города, и колхозника — с рабочим совхоза.

Отдавая себе отчет, что введение гарантированной оплаты за работу в колхозе было лишь звеном в цепи мероприятий по подъему села, мы особо выделяем эту меру как имеющую прямое отношение к теме исследования. Непосредственной причиной изменения системы оплаты было растущее нежелание людей работать в колхозах и массовая миграция из села. Имелось в виду замедлить темпы оттока населения, что и удалось сделать, но на короткое время. В конечном счете реформа была запоздалой и выглядела попыткой тушения пожара из садовой лейки.

Каким образом отразилось введение новой системы оплаты труда в колхозах на сельском населении Центра России? Чтобы понять это, необходимо вспомнить о сезонном характере труда в сельском хозяйстве как серьезном препятствии для получения колхозником круглогодичного стабильного дохода. Серьезным подспорьем должны были стать подсобные производства, и их созданием были озабочены руководители хозяйств. В силу преимущественно аграрной специализации региона и неразвитости инфраструктуры подсобные производства носили, как правило, обслуживающий характер и редко имели самостоятельное значение. Поэтому трудовая нагрузка работников таких предприятий в основном совпадала с сельским годовым производственным циклом, а значит, занятость на них в зимние месяцы не была достаточной. Кроме того, подсобные производства существовали не во всех колхозах. Например, в Калужской области в 1970 г. выделялось лишь три района, в которых существовали многочисленные подсобные предприятия — Боровский, Жуковский и Малоярославский. В целом же по области 2/3 колхозов и совхозов имели такие производства⁸⁹. Это создавало ситуацию, когда около трети всех трудоспособных колхозников не работало зимой, причем в «горячий» сезон — летом и осенью — рабочей силы, как правило, не хватало⁹⁰.

В не лучшем положении находилась и Брянская область. Менее острый дефицит рабочих рук летом усугублял зимнюю беззанятость. В начале 70-х гг. при средней выработке на одного трудоспособного по Центру 263 человеко-дня, в области этот показатель составлял 228 (годо-

вой фонд — 280). В том числе занятые на конно-ручных работах использовали годовой фонд рабочего времени на 66,4 %. Трактористы-машинисты вырабатывали 81,4 % фонда человеко-дней. Одной из главных причин такого положения было то, что около 20 % колхозников в декабре не работало (средний показатель по зоне — всего 10 %⁹¹).

С введением системы гарантированной оплаты труда в колхозах смягчилась острота проблемы подсобных производств на селе, она стала в большей степени экономической, чем социальной⁹². В то же время необходимо учесть еще одно обстоятельство. Непривлекательность тяжелого ручного труда, особенно среди молодежи, отвращала от села потенциальных работников. Существование альтернативных производств, без сомнения, смягчало негативное влияние этого фактора.

Таким образом, следует признать, что проблема сезонной занятости серьезно осложняла жизнь колхозника, сильно воздействуя на размеры его доходов, и введение гарантированной оплаты труда внесло значительные улучшения в положение крестьян.

Нет нужды специально анализировать влияние реформы оплаты труда на жизнь членов отсталых колхозов, ее последствия очевидно положительны. Неудивительно поэтому, что области запада России в числе первых в Нечерноземье перешли на новую форму. Смоленская область сделала это немедленно после принятия реформы — в июле 1966 г.⁹³

Каково же было количественное выражение последствий преобразований? До их проведения в 1965 г. фонд оплаты труда в колхозах Смоленщины в расчете на рабочий день составлял 70 % к совхозному уровню, а в расчете на трудоспособного колхозника — 50 %. В результате реформы фонд оплаты труда в колхозах в 1966 г. вырос на 15,6 %, а оплата на человеко-день повысилась на 17,9 %. Если в 1965 г. каждым трудоспособным колхозником было отработано на уборке в среднем 17 человеко-дней, то в 1966 г. — 25, т.е. на 35 % больше⁹⁴.

Данные по некоторым районам области позволяют оценить изменения, происшедшие в средней оплате человеко-дня колхозника (руб.)⁹⁵:

Таблица 5.

Район	1965 г.	1967 г.
Вяземский	2,92	3,31
Гагаринский (Гжатский)	3,09	4,10
Демидовский	1,94	3,10
Духовщинский	2,32	3,48
Руднянский	1,86	2,84
Шумячский	1,95	2,59

Колхозники экономически слабых хозяйств получили в результате реформы ощутимую прибавку. Если в 1963 г. эта категория крестьянства Смоленщины зарабатывала в среднем 1,37 руб., а в 1965 — 1,93 руб. на человеко-день, то в 1966 г. — 2,69 руб.⁹⁶ Тем не менее, зависимость заработков колхозников от уровня благосостояния хозяйства все же сохранялась, и это предполагалось использовать в качестве стимула к работе. Вот как зависели размеры выплат от уровня преуспевания хозяйств (Смоленская область, 1968 г.)⁹⁷:

Таблица 6.

Категория хозяйства	Рентабельность, %.	Средняя выплата на чел./день, руб.	Средний месячный заработок колхозника, руб.
Отстающие	13,9	2,76	52
Неотстающие	33,0	3,36	67

Продолжала изменяться структура выплат в сторону увеличения денежного содержания по сравнению с натуральным. В.П.Попов указывает, что в целом по стране количество зерна в счет оплаты за 1966—1968 гг. сократилось с 10,6 до 6,8 млн.т⁹⁸. При этом удельный вес денежных выплат во всем доходе от общественного хозяйства зависел от размера этого дохода, а значит, от уровня благосостояния хозяйства. Из

этого дохода, а значит, от уровня благосостояния хозяйства. Из 6 колхозов Смоленской области, выплачивавших на человеко-день от рубля до полутора в 1965 г., только в одном применялись смешанные выплаты, в остальных — денежные⁹⁹. Причина состояла в том, что эти отстающие хозяйства находились на прямом государственном финансировании и при оплате человеко-дней распоряжались не своими средствами. В более преуспевающих колхозах, выплачивавших на человеко-день от полутора до четырех рублей, применялись, как правило, смешанные выплаты (в 16 из 19). Чистые денежные выплаты были им не по силам¹⁰⁰.

В 1966 г. почти все хозяйства с уровнем развития средним или несколько ниже среднего отказались от смешанных выплат и выдавали только деньги¹⁰¹. С этого времени распространенным, едва ли не повсеместным явлением становится авансирование, часто ежемесячное.

Получила развитие еще одна тенденция — дальнейшее сокращение разрыва в оплате занятых на конно-ручных работах и других категорий трудящихся колхозов. Но разница по-прежнему оставалась значительной. В 1966 г. в Хиславичском районе Смоленской области среднемесячная зарплата занятых на конно-ручных работах составляла 37 руб., в то время как заработок механизаторов равнялся 62 руб., доярок — 74 руб., а свинаярей — 99 руб. в месяц¹⁰². Последние две категории работников получали сравнительно более высокую оплату в том числе и из-за большего количества отработанных человеко-дней. Поэтому хотя и можно говорить об уменьшении влияния фактора сезонности на уровень благосостояния сельских жителей, игнорировать его нецелесообразно.

Одним из существенных недостатков, связанных со введением системы гарантированной оплаты труда было то, что выплаты осуществлялись несвоевременно. Так, на начало 1967 г. по Брянской области колхозы задолжали своим членам 2233 руб., в том числе 934 тыс. руб. деньгами¹⁰³.

Экономически слабые колхозы Смоленской области в 1966 г. недоплатили колхозникам 290 тыс. руб. деньгами и около 110 тыс. руб. продуктами. Впоследствии долг был частично погашен, но в 1967 г. образовался новый — соответственно 362 и 110 тыс. руб.¹⁰⁴ Задолженность, таким образом, становилась постоянной.

Как соотносились в конце 60-х гг. доходы колхозников и рабочих совхозов от общественного хозяйства? Брянское управление сельского хозяйства в марте 1967 г. утверждало, что все 353 колхоза области осуществляли гарантированную оплату труда в основном по совхозным расценкам¹⁰⁵. Среднемесячный заработок колхозника в Калужской области в 1970 г. был равен 79 руб., а рабочий совхоза получал 83 руб.¹⁰⁶

Несколько более разнятся суммы заработков по Смоленской области в эти же годы. Колхозник при выработанных 280 человеко-днях получал 94 руб., а рабочий совхоза — 113¹⁰⁷. Разницу можно отнести на счет разнотипности хозяйств.

Несмотря на очевидную пивелировку уровней доходов колхозников и рабочих совхозов, различие между этими категориями сельских жителей сохранялось, преимущественно в образе жизни. Рабочим совхозов были более доступны общественные фонды потребления. В месяц они получали из этих фондов 32,7 тыс. руб., что примерно вдвое превышало соответствующие выплаты колхозникам¹⁰⁸.

Рабочие совхозов не платили налог за пользование личными подсобными хозяйствами, хотя, с другой стороны, часто были лишены возможности пользоваться доходами от них (в условиях колхоза культивирование личного подсобного хозяйства представлялось более простым). Наконец, расселение колхозников было более дисперсным, чем рабочих совхозов, это влекло за собой отличия, о которых говорилось выше.

О жизненном уровне колхозников во второй половине 60-х гг. дают представление данные потребления населением продуктов сельского хозяйства. Сведения по душевому потреблению продуктов сельского хозяйства в Брянской области во второй половине 60-х гг. по сравнению с первой представлены в табл. 7¹⁰⁹:

Таблица 7.

Годы	приходилось на душу населения в год					
	Хлеба, кг	Картофеля, кг	Овощей, кг	Мяса, кг	Молока, л	Яиц, шт.
1961—1965	864	1137	351	219	1112	763
1966—1970	931	1059	435	246	1489	621
Прирост	67	—78	84	27	377	—142

О росте уровня благосостояния свидетельствует вытеснение из рациона картофеля мясом. С другой стороны, настораживает то, что не сокращается, а увеличивается потребление хлеба — он всегда замещал какой-либо отсутствующий в рационе продукт. Но можно предположить, что с ростом доходов населения и доступности хлеба его стали шире использовать на корм скоту. Увеличение потребления молока — следствие, главным образом, улучшения состояния общественного хозяйства. Основную долю яиц, напротив, всегда давали личные хозяйства. Сокращение численности последних не могло не отразиться на уровне потребления продуктов.

Сопоставление потребления сельскохозяйственной продукции на душу населения в год со средней по стране проясняет картину (данные 1970 г.)¹¹⁰:

Таблица 8.

Наименование продукта	Брянская область	СССР	Разница
Хлеб, кг	186	160	26
Картофель, кг	212	114	98
Овощи, кг	87	140	-53
Мясо, кг	49	61	-12
Молоко, л	298	623	-325
Яйца, шт.	124	365	-241

Выводы крайне неутешительны. По всем позициям, кроме первых двух, область уступала среднесоюзному уровню. Не будет преувеличением сказать, что подобный баланс потребления с незначительными вариациями имело большинство областей Нечерноземья.

Огромное отставание в потреблении молока и яиц, в меньшей степени мяса и овощей компенсировалось гипертрофированным потреблением хлеба и картофеля. Замена была чисто условной, физиологические нор-

мы потребления не соблюдались. Несмотря на более низкие абсолютные цифры потребления горожане находились в лучшем положении по сравнению с сельскими жителями из-за возможности разнообразить свое меню. При выяснении причин миграции в города этот фактор необходимо принять во внимание.

Одновременно не будем забывать, что в предшествующие годы положение не могло не быть еще более худшим. Именно со второй половины 60-х гг. стало возможным сравнивать благосостояние городского и сельского жителя, не становясь при этом безусловно на сторону города.

Введение гарантированной оплаты труда колхозников выполнило задачу сближения уровней благосостояния различных категорий сельских жителей. Одновременно к концу 60-х гг. происходит примерное выравнивание материальных условий населения сельских районов страны. Смоленский колхозник, получая на человеко-день 4,30 руб., ненамного отличался от абстрактного среднесоюзного колхозника, имевшего в день 4,50 руб.¹¹¹ Конечно, по-прежнему было трудно соотнести 94 колхозных рубля с заработком в промышленности (135 руб.) или строительстве (152 руб.)¹¹². Пенсии колхозников также значительно уступали по своим размерам пенсиям городских жителей.

* * *

Приведенные факты способны объяснить, от чего зависели размеры миграционного оттока сельских жителей Центрального Нечерноземья в города в послевоенные десятилетия. Однако, необходимо отдавать себе отчет, что уже во второй половине 60-х годов роль чисто экономических факторов в процессах миграции постепенно отходит на второй план. Не менее важным оказывается состояние сельской инфраструктуры — транспорта, учреждений здравоохранения, культуры, торговли, бытового обслуживания. По мере достижения определенного уровня материально-

го благосостояния на принятие решения о переезде в город начинают влиять иные соображения, связанные с возможностью получения образования, приобщения к достижениям культуры, организации полноценного досуга. Чрезвычайно важную роль играла и чисто демографическая специфика конкретного региона.

Поэтому, признавая важность рассмотрения экономических факторов миграции, для получения максимально полной картины ее причин необходимо комплексное рассмотрение положения дел в сельской местности Центрального Нечерноземья.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе предпринята попытка исследования экономических причин сельской миграции на конкретном историческом отрезке, вобравшем в себя значительный период послевоенного развития страны. Выбор Центрального Нечерноземья в качестве объекта рассмотрения позволяет распространить многие выявленные особенности процесса на значительную часть России и прилегающих территорий. Представляется, что предложенный в работе сценарий развития событий, обусловивших депопуляцию села указанных областей, наиболее точно отразил ситуацию, сложившуюся во многих регионах РСФСР. Возрождение деревни этого региона невозможно без анализа причин деструктивных изменений, приведших к истощению людских ресурсов и ухудшению демографического потенциала сельского населения.

Вместе с тем проведенное исследование должно иметь самостоятельное значение для решения проблем Центра. Местные особенности определили специфику депопуляционных процессов, и исправление положения требует выработки особых подходов, безусловно ее учитывающих.

Конкретно-исторический анализ демографической ситуации в регионе должен опираться на чисто географические факторы. Важнейшим из них является сельское расселение. Они определяются близостью промышленных центров, отнимающих у села системообразующую роль. Возникающая при этом мелкоселенность неизбежна в условиях лесной и лесостепной зоны.

Среди областей региона наихудшую поселенческую структуру имели Калининская, Костромская, Смоленская и Ярославская области; для Владимирской, Ивановской, Калужской, Тульской и Рязанской характерны более крупные поселения; Брянская и Орловская, как самые южные, отличались наибольшим удельным весом крупных поселений, что считается проявлением черноземного типа расселения.

В рассматриваемый период происходит разрушение стабилизирующей функции аграрного сектора экономики по отношению к сельскому населению. Центр России демонстрировал разные стадии этого разрушения, от по-прежнему сравнительно крепкого деревенского быта Брянщины и Орловщины до массовой ликвидации сельской поселенческой сети в Смоленской и Калининской областях.

Серьезнейшие последствия военных разрушений долгое время определяли развитие значительной части региона. Административные ограничения на выезд для жителей села в послевоенные годы не позволяли установить прямую зависимость интенсивности миграционного оттока в города от тяжести положения в конкретных районах. Тем не менее, массовое стихийное переселение крестьян, начатое в конце 20-х — в 30-е гг., продолжалось в скрытой форме.

К середине 50-х гг. сельская миграция достигла наивысшей отметки за десятилетие, после чего наблюдается ее временный спад, обусловленный успехами реформ в сельском хозяйстве. Непопулярные меры начала 60-х гг., направленные на ликвидацию личных подсобных хозяйств и ограничение содержания скота в личном пользовании, имели наиболее сильный разрушительный эффект для сельской демографической структуры. Попытки перемен в аграрной сфере экономики, предпринятые в середине 60-х гг., лишь ненадолго замедлили депопуляцию села.

Запоздалое осознание необходимости вмешательства в демографические процессы со стороны управляющих органов также сыграло свою негативную роль. В течение почти всего рассматриваемого периода народонаселенческие вопросы в применении к областям Центральной России поднимались лишь в связи с необходимостью хозяйственного освоения востока страны. Стереотипное восприятие Центрального экономического

района как малоземельного снижало остроту проблемы возможной депопуляции села в глазах организаторов демографической политики.

Рассмотрение состояния сельской экономики Центра, а также материального положения крестьянства дает основания полагать, что в регионе не существовало особых, отличных от других территорий факторов, способных кардинально повлиять на интенсивность оттока сельских жителей в города. Имевшиеся различия способны были изменить лишь скорость течения процесса.

Попытки закрепления специалистов на селе, от механизаторов до работников непроеизводственной сферы, не имели перспективы, так как почти всегда ограничивались чисто административным воздействием. Фактор оплаты труда, влиятельный в конце 40-х — начале 50-х гг., с ростом уровня благосостояния утрачивал свое значение. Соответственно менялись мотивы миграционного поведения. На этом этапе переезды совершались уже не только в силу чисто экономических причин, но также из-за недостатков социально-бытовой сферы на селе.

Реалии 60-х гг. диктовали необходимость поиска путей стабилизации населения деревни. Выдвинутая в 70-е гг. концепция сселения из «неперспективных» населенных пунктов не имела будущего в силу органичности мелкоселенной структуры для областей центральной России.

Сейчас очевидно, что существование прежней русской деревни, достаточно изолированной от городской цивилизации, невозможно. В то же время современный уровень развития сети коммуникаций по-прежнему не позволяет каждому сельскому жителю пользоваться преимуществами урбанистической культуры. Практика показала нежизненность идеи агрогородов. Представляется, что выход может быть найден на более сложном пути, включающем в себя поддержку и развитие существующих, внешне часто слабых поселенческих структур.

Экономическое обеспечение развития поселенческой сети должно, видимо, иметь две составляющие. Одна из них исходит из того, что идея крупных хозяйственных формирований в условиях Нечерноземья продемонстрировала свою несостоятельность. Большой эффект может принести появление многочисленных хозяйственных центров с замкнутым производственным циклом на базе имеющихся поселений. Это позволило бы

наиболее оптимально использовать наличные земли и наилучшим образом приспособиться к условиям лесной и лесостепной зоны.

Однако сама по себе хуторизация, как показал опыт Смоленской области, недостаточна для подъема села. Важным и неременным стимулятором должно стать включение материального интереса производителя сельскохозяйственной продукции.

ПРИМЕЧАНИЯ

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ГАБО — Государственный архив Брянской области.
ГАКО — Государственный архив Калужской области.
ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.
ГАСО — Государственный архив Смоленской области.
РГЭО — Российский государственный архив экономики.

Введение

¹ См. напр.: Волков И.М. Колхозное крестьянство СССР в первые послевоенные годы (1946–1950) // Вопросы истории. – 1970. – № 6; Богденко М.Л. Совхозы СССР. 1951–1958. – М., 1971; Данилов В.П. Социальная структура советской деревни (по данным Всесоюзных переписей населения 1959 и 1970 гг.) // Социально-экономические проблемы истории развитого социализма в СССР. – М., 1976.

² Среди серьезных исследований предшествующего периода необходимо отметить работы: Арутюнян Ю.В., Вылцан М.А. Историческая роль МТС и их реорганизация. – М., 1958. Заславская Т.И. Принцип материальной заинтересованности при оплате труда в колхозах. – М., 1958; среди более поздних – Венжер В.Г. Колхозный строй на современном этапе. – М., 1966. Игнатовский П.А. Крестьянство и экономическая политика партии в деревне. – М., 1971. Кутафьева Э.С. и др. Миграция сельского населения (в Центральном экономическом районе). – М., 1971. Алексанов П.А. Развитие социального обеспечения советского крестьянства // Вопросы истории. – 1974. – № 9. Гохберг М.Я., Соловьев Н.А. Проблемы развития и размещения производительных сил Центрального района. – М., 1975. Кузнецов Г.Я. Социально-экономические проблемы советской деревни. – М., 1977. Островский В.Б. Новый этап в развитии колхозного строя. – М., 1977. и др.

³ Воронцов А.В. Завершающий этап культурной революции на селе (на материалах Смоленской, Брянской и Калужской областей). – Дисс. ... канд. ист. наук. – Л. 1969.

⁴ История советского крестьянства. – Т. 4. – М., 1988.

⁵ Вербицкая О.М. Изменение численности и состава колхозного крестьянства РСФСР в первые послевоенные годы (1946–1950) // История СССР. – 1980. – № 5. Она же. Кол-

- хозное крестьянство РСФСР в 1946—1950 гг.: численность, состав, трудовая активность. — Дисс. ...канд. ист. наук. — М., 1981. Она же. Плановое сельскохозяйственное переселение в РСФСР в 1946—1958 гг. // Вопросы истории. — 1986. — № 12.
- ⁶ Иванов Н.С. Колхозное крестьянство центральных областей Нечерноземной зоны РСФСР в 1951—1958 гг. — Дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1983. Попов В.П. Колхозное крестьянство центральных областей Нечерноземной зоны РСФСР в 1959—1970 гг. — Дисс. ...канд. ист. наук. — М., 1982.
- ⁷ Сыманович Ч.Э. Социально-классовые изменения в современной деревне и их изучение в советской литературе 1966—1975 гг. — Дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1975.
- ⁸ Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х — начало 60-х годов. — М., 1992.
- ⁹ Безнин М.А. Материальное благосостояние колхозной семьи в Нечерноземье (1959—1965 гг.). // История СССР. — 1989. — № 1. Он же. Землепользование крестьянского двора в Российском Нечерноземье в 1950—1965 гг. // История СССР. — 1990. — № 3. Он же. Материальное положение колхозников Российского Нечерноземья в 1950—1965 гг. — Вологда, 1988.
- ¹⁰ Наухацкий В.В. Аграрная политика СССР в 1965—1990 гг. — Дисс. ... доктора исторических наук. — М., 1998.
- ¹¹ См.: Гордон А.А., Клопов Э.В. Что это было?: Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-е — 40-е гг. — М., 1989. Лацис О.Р. Выйти из квадрата: Заметки экономиста. — М., 1989. Попов В., Шмелев Н. На развилке дорог: Была ли альтернатива сталинской модели развития // Осмыслить культ Сталина. — М., 1989. — С.284—327. Шмелев Н., Попов В. На переломе: Экономическая перестройка в СССР. — М., 1989 и др.
- ¹² Это такие работы как: Арутюнян Ю.В. Урбанизация села в СССР и некоторые проблемы социального управления. — М., 1970. Переселение и организованный набор рабочих к 40-й годовщине Октября. — М., 1957. Василенко М.П. Пути преодоления сезонности труда в колхозах. — М., 1963. Ковалев С.А. Сельское расселение: Географическое исследование. — М., 1963. Игнатовский П.А. Социально-экономические изменения в советской деревне. — М., 1971.
- ¹³ Например, Анохин А.А. Региональные проблемы социального развития. — Л., 1986. Болдырев В.А. Народонаселение в развитом социалистическом обществе: Теория и политика. — М., 1983. Казаков А.И. Население Смоленщины: прошлое и настоящее. — Смоленск, 1988. Калмыков В.Ф. Сельское расселение и его перспективы // Брянский краевед. — Вып. VII. — Брянск, 1974. Переведенцев В.И. Миграция населения и развитие сельскохозяйственного производства // Социологические исследования. — 1983. — № 1. Казаков А.И. Население Смоленщины: прошлое и настоящее. — Смоленск, 1988.
- ¹⁴ Вот наиболее значительные работы этой группы: Миграция населения и трудовые ресурсы Сибири. — Новосибирск, 1966. Методика выборочного обследования миграции

- сельского населения. – Новосибирск, 1967. Миграция сельского населения. – М., 1977. Методология и методика системного изучения советской деревни. – Новосибирск, 1980. Корель Л.В. Перемещение населения между городом и селом в условиях урбанизации. – Новосибирск, 1982. Корель Л.В., Топилина В.С., Трофимов В.А. – Миграция и жилище. Новосибирск, 1988. Крапчан С.Г. Село Российской Федерации: социально-региональная структура. – Новосибирск, 1989. Калугина З.И. Личное подсобное хозяйство в СССР: социальные регуляторы и результаты развития. – Новосибирск, 1991.
- ¹⁵ Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. – М., 1975. Староверов В.И. Социально-демографические проблемы деревни: методология, методика, опыт анализа миграции сельского населения. – М., 1975. Он же. Теоретико-методологические вопросы исследования, задачи и опыт анализа социального развития среднерусской деревни в свете регионального подхода в социологии // Социальный облик среднерусской деревни. – М., 1986. Хорев Б.С., Чапек В.Н. Проблемы изучения миграции населения. – М., 1978. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. – М., 1987. В.И. Староверов обращает внимание на то, что большинство работ по сельской миграции, и в частности, исследования Ж.А. Зайончковской, В.И. Переведенцева, В.Н. Чапека носят ярко выраженный экономический, экономико-географический, демографический, статистический характер и лишь в отдаленной степени затрагивают социальные аспекты явления. (Староверов В.И. Социологическое изучение миграции сельского населения. – Дисс. ... канд. филос. наук. – М., 1979. – С.29.).
- ¹⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Изд. 9-е. – Тт. 8–12. – М., 1983–1989. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – Тт. 3–8. – М., 1967–1972. Систематическое собрание законов РСФСР, указов Президиума Верховного Совета РСФСР. – Тт. 1–14. – М., 1968–1970.
- ¹⁷ См. напр.: Народное хозяйство Брянской области (1966–1970 гг.). – Брянск, 1972. Народное хозяйство Калужской области в 1959 г. – Калуга, 1960. Народное хозяйство РСФСР: Ежегодный статистический сборник ЦСУ РСФСР. Народное хозяйство СССР: Ежегодный статистический сборник ЦСУ СССР. Народное хозяйство СССР за 70 лет. – М., 1987.
- ¹⁸ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 гг. Тт. 1–16. М., 1962. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Тт. 1–7. М., 1972. Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. – М., 1981.
- ¹⁹ См.: Население СССР за 70 лет. – М., 1988. – С.59.
- ²⁰ Болдырев В.А. Итоги переписи населения СССР. – М., 1974. – С.34.
- ²¹ См.: Миграция сельского населения. – М., 1977.
- ²² См.: Староверов В.И. Социально-демографические проблемы деревни.
- ²³ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. – М., 1987. Количественные методы в исторических исследованиях. – М., 1984. Шелестов Д.К. Историческая демография. – М., 1987.

Центральный экономический район: общая характеристика и система расселения

- ¹ Кутафьева Э.С., Москалева Н.И., Папенков К.В., Трудова М.Г. Миграция сельского населения (в Центральном экономическом районе). – М., 1971. – С.14.
- ² Там же.
- ³ См.: Страны и народы. Советский Союз. Общий обзор. Российская Федерация. – М., 1983. – Сс.347–364.
- ⁴ Минц А.А. Центральный район. – М., 1963. – С.50.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Ковалев С.А. Сельское расселение в районах разного типа //Региональное расселение в СССР. – М.,1984. – С.125.
- ⁷ География Калужской области. – Тула, 1975. – С.73.
- ⁸ География Смоленской области. – М.,1990. – С.75.
- ⁹ Бутузова В.П., Марков Е.М., Таратынов В.А. Проблемы формирования сельского расселения Нечерноземной зоны РСФСР//Региональное расселение в СССР. — М.,1984. – С.168.
- ¹⁰ Ковалев С.А. Сельское расселение. – М.,1963. – С.138.
- ¹¹ Там же. – С.140.
- ¹² Там же. – С.155.
- ¹³ Там же. – С.159–171.
- ¹⁴ Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение//Динамика расселения в СССР. (Вопросы географии. № 129). – М.,1986. – С.57–59.
- ¹⁵ Алексеев А. Нечерноземный Чернобыль//СССР: демографический диагноз. – М.,1990. – С.428–429.
- ¹⁶ ГАБО. – Ф.6. – Оп.3. – Д.210. – Л.347; Ф.6. – Оп.3. – Д.322. – Л.366; Ф.1649. – Оп.1. – Д.8063. – Л.1; д.371. – Л.148.
- ¹⁷ Ковалев С.А. Указ. соч. – С.144.
- ¹⁸ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. – Том 1. Численность населения СССР. – М., 1972. – Сс.148–149.
- ¹⁹ Стронгина М.Л. Социальное развитие села: Поселенческий аспект. – М.,1986. – С.52.
- ²⁰ Стронгина М.Л. Роль систем расселения в достижении социально-равных условий труда и жизни в городе и селе//Город и село: Проблемы создания социально-равных условий труда и жизни. – М.,1986. – С.35.
- ²¹ Макарова Л.В., Морозова Г.Ф., Тарасова М.В. Региональные особенности миграционных процессов в СССР. – М.,1986. – С.15.
- ²² Стронгина М.Л. Роль систем.... – С. 35.
- ²³ Стронгина М.Л. Социальное развитие села. – С.49.

- ²⁴ «О мерах по развитию сельского хозяйства Смоленской области». Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 10 февраля 1971 г. (Смоленская область. Краеведческий словарь. – С.176).
- ²⁵ Воронцов А.В. Указ. соч. – С.74.
- ²⁶ Данилов В.П. Социальная структура советской деревни (по данным Всесоюзных переписей населения 1959 и 1970 гг.)// Социально-экономические проблемы истории развитого социализма в СССР. – М.,1976. – С.271.
- ²⁷ Гохберг М.Я., Соловьев Н.А. Указ. соч. – С. 53.

Сельское хозяйство Центра и основные направления экономической политики

- ¹ См.: Бутузова В.П. и др. Проблемы формирования сельского расселения Нечерноземной зоны РСФСР//Региональное расселение в СССР. – М., 1984. – С. 162.
- ² Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. – Т.1. – С. 10-11.
- ³ Новый мир. – 1968. – № 11. – С. 22.
- ⁴ Гохберг М.Я., Соловьев Н.А. Указ. соч. – С. 19.
- ⁵ География Калужской области. – С.91–97.
- ⁶ Минц А.А. Центральный район. – М., 1963. – С. 74.
- ⁷ ГАРФ. – Ф. 374. – Оп. 31. – Д. 1253. – Л. 81.
- ⁸ Шмелев Н., Попов В. Указ. соч. – С. 80.
- ⁹ Очерки истории Смоленской организации КПСС. – М., 1970. – С. 369.
- ¹⁰ ГАБО. – Ф. 1649. – Оп. 1. – Д. 124. – Л. 115.
- ¹¹ Там же. – Д. 240. – Л. 37.
- ¹² История советского крестьянства. – Т. 4. – М., 1988. – С.29.
- ¹³ Там же. – С.30.
- ¹⁴ ГАКО. – Ф. 883. – Оп. 16. – Д. 181. – Л. 126.
- ¹⁵ ГАБО. – Ф. 6. – Оп. 3. – Д. 284. – Л. 172.
- ¹⁶ ГАСО. – Ф.6. – Оп. 2. – Д. 89. – Л. 2.
- ¹⁷ КПСС в резолюциях... – Т.8. – С.98.
- ¹⁸ ГАБО. – Ф.6 Оп. 1. – Д. 14. – Л. 448.
- ¹⁹ См.: Волков И.М. Колхозы и колхозное крестьянство СССР в первые послевоенные годы (1946–1950). Дисс. ... докт. ист. наук. – М., 1968. – С.241.
- ²⁰ КПСС в резолюциях... – Т.8. – С.521.
- ²¹ РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 327. – Д. 305. – Л. 52.
- ²² ГАСО. – Ф.2440. – Оп. 3. – Д. 25. – Л. 35.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ КПСС в резолюциях... – Т.8. – С.177.

-
- ²⁶ Там же. – С. 98.
- ²⁷ РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 10. – Д. 3146. – Л. 42–43.
- ²⁸ Там же. – Д. 36. – Л. 25.
- ²⁹ Безнин М.А. Землепользование крестьянского двора.... – С. 34.
- ³⁰ РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 10. – Д. 3140. – Л. 43; Д. 3173. – Л. 25.
- ³¹ КПСС в резолюциях... – Т. 8. – С. 214.
- ³² Тарасов А.Ф. Развитие колхозной собственности в общенародную. – Ростов-на-Дону, 1967. – С. 241.
- ³³ ГАБО. – Ф. 6. – Оп. 3. – Д. 247. – Л. 10.
- ³⁴ Там же. – Д. 322. – Л. 366.
- ³⁵ Советская деревня в первые послевоенные годы. – С. 309.
- ³⁶ «О задачах колхозного строительства в связи с укрупнением мелких колхозов». Письмо ЦК ВКП(б). (в кн.: История КПСС. – Т. 5, кн. 2. – М., 1980. – С. 340).
- ³⁷ РГАЭ. – Ф. 9476. – Оп. 1. – Д. 766. – Л. 22; ГАБО. – Ф. 1649. – Оп. 1. – Д. 371. – Л. 148.
- ³⁸ См.: Волков И.М. Некоторые вопросы истории сельского хозяйства и крестьянства в послевоенные годы // История СССР. – 1973. – № 1. – С. 8.
- ³⁹ ГАРФ. – Ф. 310. – Оп. 1. – Д. 1051. – Л. 200.
- ⁴⁰ Там же; Народное хозяйство РСФСР в 1959 г. – М., 1960. – С. 300.
- ⁴¹ Шмелев Н., Попов В. Указ. соч. – С. 83.
- ⁴² ГАСО. – Ф. 6. – Оп. 3. – Д. 1326. – Л. 28; ГАБО. – Ф. 1649. – Оп. 1. – Д. 1429. – Л. 75.
- ⁴³ ГАБО. – Ф. 1649. – Оп. 1. – Д. 1429. – Л. 75; Д. 8063. – Л. 8.
- ⁴⁴ ГАКО. – Ф. 55. – Оп. 9. – Д. 36. – Л. 6. Из 36 колхозов Ульяновского района 34 в 1953 г. имели просроченную задолженность, а значит, не могли использовать кредиты (ГАКО. – Ф. 55. – Оп. 9. – Д. 36. – Л. 2).
- ⁴⁵ ГАБО. – Ф. 1649. – Оп. 1. – Д. 766. – Л. 13.
- ⁴⁶ Там же. Д. 539. – Л. 132; ГАКО. – Ф. 55. – Оп. 9. – Д. 36. – Л. 19.
- ⁴⁷ Шмелев Н., Попов В. Указ. соч. – С. 83. См. также: Алексеев А. Указ. соч. – С. 428.
- ⁴⁸ Заславская Т.И. Принцип материальной заинтересованности при оплате труда в колхозах. – М., 1958. – С. 80–81.
- ⁴⁹ См. напр.: Тюрина А.П. Основные направления и этапы развития сельского хозяйства СССР в 50-х — 70-х гг. // Материалы VI сессии Симпозиума по проблемам аграрной истории СССР. – Вып. 3. – Вологда, 1977. – С. 43.
- ⁵⁰ Арутюнян Ю.В. Особенности и значение нового этапа развития сельского хозяйства СССР // История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. – М., 1963. – С. 394.
- ⁵¹ Шмелев Н., Попов В. Указ. соч. – С. 90.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ КПСС в резолюциях... – Т. 8. – С. 303.
- ⁵⁴ Там же. – С. 492.

-
- ⁵⁵ КПСС в резолюциях... – Т. 9. – С. 96.
- ⁵⁶ Алексанов П.А. Развитие социального обеспечения советского крестьянства // Вопросы истории. – 1974. – № 9. – С. 25.
- ⁵⁷ Безнин М.А. Указ. соч. – С. 34.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Тюрина А.П. Указ. соч. – С. 39.
- ⁶¹ Болтушкин В.В. Развитие совхозов РСФСР в 1954–1958 гг. – Дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1967. – С. 102.
- ⁶² Богденко М.Л. Указ. соч. – С. 260.
- ⁶³ См. об этом: Тарасов А.Ф. Указ. соч. – С. 192.
- ⁶⁴ Макарова Л.В. и др. Указ. соч. – С. 54; Народное хозяйство РСФСР в 1959 г. – С. 394.
- ⁶⁵ ГАРФ. – Ф. 310. – Оп. 1. – Д. 1980. – Л. 11.
- ⁶⁶ ГАСО. – Ф. 2440. – Оп. 5. – Д. 234. – Л. 94, 96, 97.
- ⁶⁷ Китабова С.М. Из опыта работы новых совхозов, созданных на базе экономически слабых колхозов // Вопросы экономики социализма. – М., 1959. – С. 262.
- ⁶⁸ Иванов Н.С. Указ. соч. – С. 39.
- ⁶⁹ Болтушкин В.В. Указ. соч. – С. 103.
- ⁷⁰ ГАСО. – Ф. 2440. – Оп. 5. – Д. 14. – Л. 48.
- ⁷¹ Смирнов В.Д. Оценка последствий урбанизации в истории сельского хозяйства и крестьянства Западного района РСФСР // Сельское хозяйство и крестьянство Нечерноземья в период строительства социализма. – Смоленск, 1979. – С. 54.
- ⁷² Народное хозяйство РСФСР в 1971 г. – М., 1972. – С. 143.
- ⁷³ Труд в СССР. – М., 1973. – С. 265.
- ⁷⁴ ГАСО. – Ф. 6. – Оп. 3. – Д. 553. – Л. 291.
- ⁷⁵ Арутюнян Ю.В., Вылцан М.А. Указ. соч. – С. 123.
- ⁷⁶ Там же. – С. 10.
- ⁷⁷ Там же. – С. 99.
- ⁷⁸ Там же. – С. 10.
- ⁷⁹ Алексанов П.А. Развитие социального обеспечения советского крестьянства // Вопросы истории. – 1974. – № 9. – С. 27.
- ⁸⁰ Тарасов А.Ф. Указ. соч. Сс. 165, 170.
- ⁸¹ Там же. – С. 165.
- ⁸² ГАБО. – Ф. 1649. – Оп. 1. – Д. 950. – Л. 83.
- ⁸³ Староверов В.И. Указ. соч. – С. 76.
- ⁸⁴ ГАБО. – Ф. 6. – Оп. 3. – Д. 61. – Л. 121.
- ⁸⁵ Там же. – Оп. 4. – Д. 400. – Л. 86.

- ⁸⁶ Чураков В.Я. Социально-экономическая характеристика занятости трудовых ресурсов села и пути ее рационализации // Социологическое изучение села: социальная структура, труд, управление. – М., 1968. – С. 120.
- ⁸⁷ Воронцов А.В. Указ. соч. – С. 108.
- ⁸⁸ Демографические проблемы занятости. – М., 1969. – С. 176.
- ⁸⁹ Безнин М.А. Указ. соч. – С. 29.
- ⁹⁰ ГАРФ. – Ф. 310. – Оп. 1. – Д. 6934. – Л. 34.
- ⁹¹ Венжер В.Г. Указ. соч. – С. 59–59.
- ⁹² Шмелев Г.И. Личное подсобное хозяйство и его связи с общественным производством. – М., 1971. – С. 52.
- ⁹³ ГАРФ. – Ф. 310. – Оп. 1. – Д. 6934. – Л. 135.
- ⁹⁴ Безнин М.А. Указ. соч. – С.31.
- ⁹⁵ Буторина Е.В. Формирование социальной однородности колхозного крестьянства Нечерноземной зоны РСФСР в процессе коммунистического строительства (на материалах Верхнего Поволжья). – Дисс. ... канд. филос. наук. Ярославль, – 1980. – С. 53.
- ⁹⁶ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. – С.170–171.
- ⁹⁷ Там же.
- ⁹⁸ Алексеев А.И. Сельское расселение как фактор образа жизни // Динамика расселения в СССР (Вопросы географии. – № 129). – С. 189.
- ⁹⁹ Калугина З.И. Указ. соч. – С. 64.
- ¹⁰⁰ Староверов В.И. Социологическое изучение миграции сельского населения. – С.318.
- ¹⁰¹ ГАБО. – Ф. 1649. – Оп. 1. – Д. 937. – Л. 212.
- ¹⁰² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 5. – С. 517.
- ¹⁰³ Безнин М.А. Указ. соч. – Сс. 29, 38.
- ¹⁰⁴ См.: Данилов В.П. Социальная структура советской деревни. – С. 268; Тарасов А.Ф. Указ. соч. – С. 173; Тюрина А.П. Указ. соч. – С.46.
- ¹⁰⁵ Социально-демографическое развитие села: межрегиональный анализ. – М., 1980. – С. 235.
- ¹⁰⁶ Ермакова К.А. Штукарев И.М. Изменение структуры дохода семьи колхозника Нечерноземной зоны РСФСР // Сборник научных трудов ВНИИЭСХ. – Вып. 71. – М., 1974. – С. 189; Проблемы аграрной политики КПСС на современном этапе. – Т. 2. – С. 333; Попов В.П. Указ. соч. – С.113.
- ¹⁰⁷ ГАСО. – Ф. 2440. – Оп. 7. – Д. 258. – Л. 144.

Материальное положение крестьян

- ¹ Калугина З.И. Личное подсобное хозяйство в СССР. – С. 69.
- ² ЦГА РФ. – Ф.374. – Оп.31. – Д.5499. – Л.138.

- ³ Рылкова И., Большакова Е. Демографическая ситуация в Нечерноземной зоне РСФСР и ее перспективы // Нечерноземье: демографические процессы. – М., 1977. – С.15.
- ⁴ ГАБО. – Ф.6. – Оп.6. – Д.264. – Л.104.
- ⁵ Вербицкая О.М. Колхозное крестьянство РСФСР в 1946–1958 гг. – С. 177.
- ⁶ Безнин М.А. Материальное благосостояние колхозной семьи в Нечерноземье (1959–1965 гг.)// История СССР. – 1989. – №1. – С.53.
- ⁷ Волков И.М. Трудовой подвиг советского крестьянства. – М., 1972. – С. 150.
- ⁸ ГАСО. – Ф. 6. – Оп. 2. – Д. 5893. – Л. 201.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Советская деревня в первые послевоенные годы. – С.274; Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. – С.137.
- ¹¹ Там же; ГАСО. – Ф.2440. – Оп. 5. – Д. 60. – Л. 167а.
- ¹² Вербицкая О.М. Указ. соч. – С.138.
- ¹³ Волков И.М. Колхозы и колхозное крестьянство СССР в первые послевоенные годы. – С. 509; см. также РГАЭ. – Ф. 9476. – Оп. 1. – Д. 369. – Л. 50.
- ¹⁴ ГАСО. – Ф. 6. – Оп. 2. – Д. 1079. – Л. 6.
- ¹⁵ ГАБО. – Ф. 1649. – Оп. 1. – Д. 8063. – Л. 8.
- ¹⁶ ГАСО. Ф. 6. – Оп. 2. – Д. 1079. – Л.7.
- ¹⁷ ГАСО. – Ф. 6. – Оп.2. – Д. 195. – Л. 132–134.
- ¹⁸ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.3. – С.474.
- ¹⁹ РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 7. – Д. 1019а. – Л. 100.
- ²⁰ Иванов Н.С. Указ. соч. – С. 201–202; РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 7. – Д. 1257. – Л. 83.
- ²¹ ГАБО. – Ф. 1649. – Оп. 1. – Д. 539. – Л. 130.
- ²² ГАРФ. – Ф. 310. – Оп. 1. – Д. 6924. – Л. 194–211.
- ²³ Островский В.Б. Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты. – Дисс. ... докт. ист. наук. – М., 1967. – С.175.
- ²⁴ ГАБО. – Ф. 1649. – Оп. 1. – Д. 539. – Л. 129.
- ²⁵ Там же. – Д.539. – Л. 136.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Арутюнян Ю.В., Вылцан М.А. – Указ. соч. – С.98.
- ²⁸ РГАЭ. – Ф. 9476. – Оп. 1. – Д. 323. – Л. 88.
- ²⁹ Попов В., Шмелев Н. Указ. соч. – С. 297.
- ³⁰ РГАЭ. – Ф. 9476. – Оп. 1. – Д. 323. – Л. 67–68.
- ³¹ Попов В., Шмелев Н. Указ. соч. – С. 87.
- ³² Там же.
- ³³ Островский В.Б. Указ. соч. – С. 608.
- ³⁴ ГАБО. – Ф. 1649. – Оп. 1. – Д. 8150. – Л. 16.
- ³⁵ Волков И.М. Указ. соч. – С. 517.
- ³⁶ Там же. – С. 515.

-
- ³⁷ Безнин М.А. Указ. соч. – С. 51–52.
- ³⁸ Вербицкая О.М. Указ. соч. – С.138.
- ³⁹ Попов В., Шмелев Н. Указ. соч. – С. 91.
- ⁴⁰ См. напр.: Аграрная политика КПСС и совершенствование социальных процессов на селе. – Кишинев, 1986. – С. 142.
- ⁴¹ Калугина З.И. Социально-экономические проблемы личного подсобного хозяйства в деревне \ Социальное развитие села: анализ и моделирование. – Новосибирск, 1980. – С. 32.
- ⁴² Иванов Н.С. Указ. соч. – С. 87.
- ⁴³ Народное хозяйство Брянской области. – Орел, 1958. – Сс.42–43.
- ⁴⁴ ГАКО. – Ф. 883. – Оп. 16. – Д. 1408. – Л. 17–18.
- ⁴⁵ Иванов Н.С. Указ. соч. – С. 87.
- ⁴⁶ ГАРФ. – Ф. 310. – Оп. 1. – Д. 6607. – Л. 5; ГАКО. – Ф. 883. – Оп. 16. – Д. 1080. – Л. 73; ГАСО. – Ф. 2440. – Оп. 5. – Д. 115. – Л. 48.
- ⁴⁷ ГАКО. – Ф. 883. – Оп. 16. – Д. 1408. – Л. 106.
- ⁴⁸ Там же. – Оп.17. – Д. 2834. – Л. 28–34.
- ⁴⁹ Безнин М.А. Указ. соч. – С. 29.
- ⁵⁰ ГАКО. – Ф. 883. – Оп. 16. – Д. 1086. – Л. 63.
- ⁵¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – Т.3. – С. 572.
- ⁵² КПСС в резолюциях... – Т.8. – С. 233.
- ⁵³ Там же. – С. 499.
- ⁵⁴ Безнин М.А. Указ. соч. – С. 31.
- ⁵⁵ Калугина З.И. Указ. соч. – С. 33.
- ⁵⁶ Иванов Н.С. Указ. соч. – С. 76.
- ⁵⁷ Иванов Н.С. Указ. соч. – С. 74; См. также: Репина Т.А. Деятельность КПСС по дальнейшему повышению материального благосостояния и культурного уровня колхозного крестьянства. – Дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1976. – С. 78.
- ⁵⁸ Иванов Н.С. Указ. соч. – С. 73.
- ⁵⁹ ГАСО. – Ф. 6. – Оп. 3. – Д. 225. – Л. 39.
- ⁶⁰ РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 7. – Д. 1257. – Лл. 87, 89; ГАРФ. – Ф. 310. – Оп. 1. – Д. 6924. – Лл. 194–200; Ф. 374. – Оп. 30. – Д. 8805. – Лл. 126–141.
- ⁶¹ Островский В.Б. Новый этап в развитии колхозного строя. – С. 66.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Подробнее об этом см.: Заславская Т.И. Принцип материальной заинтересованности при оплате труда в колхозах.
- ⁶⁴ Там же. – С. 85–96.
- ⁶⁵ Там же. – С. 39.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – Т.4. – С. 289.

-
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ ГАРФ. – Ф. 310. – Оп. 1. – Д. 7007. – Л. 23.
- ⁷⁰ Там же. – Д. 6922. – Лл. 83, 87.
- ⁷¹ ГАСО. – Ф. 6. – Оп. 3. – Д. 225. – Л. 29–31.
- ⁷² Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946—1970). – М., 1972. – С. 303.
- ⁷³ ГАСО. – Ф. 6. – Оп. 3. – Д. 225. – Л. 29–31.
- ⁷⁴ Там же. – Д. 553. – Л. 289–290.
- ⁷⁵ ГАБО. – Ф. 1649. – Оп. 1. – Д. 8157. – Лл. 6–7.
- ⁷⁶ ГАСО. – Ф. 6. – Оп. 3. – Д. 1072. – Л. 80.
- ⁷⁷ РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 1. – Д. 8780. – Лл. 171–172.
- ⁷⁸ Там же. – Ф. 9476. – Оп. 1. – Д. 323. – Л. 59.
- ⁷⁹ ГАБО. – Ф. 6. – Оп. 4. – Д. 694. – Л. 26.
- ⁸⁰ ГАСО. – Ф. 6. – Оп. 3. – Д. 1072. – Л. 80.
- ⁸¹ Безнин М.А. Указ. соч. – С. 43.
- ⁸² Бронштейн М.Л. Демократизация хозяйствования: региональный аспект // Коммунист. – 1988. – № 11. – С. 21.
- ⁸³ ГАРФ. – Ф. 310. – Оп. 1. – Д. 6924. – Лл. 187–188.
- ⁸⁴ ГАСО. – Ф. 2440. – Оп. 7. – Д. 206. – Л. 1.
- ⁸⁵ Алексанов П.А. Указ. соч. – С. 26.
- ⁸⁶ Там же. – С. 28.
- ⁸⁷ КПСС в резолюциях... – Т.9. – Сс. 382–385.
- ⁸⁸ Воспроизводство и развитие экономических отношений в колхозах. – М., 1972. – С. 65.
- ⁸⁹ География Калужской области. – С. 74.
- ⁹⁰ Там же.
- ⁹¹ Мальцев И.Е. Использование трудовых ресурсов в сельском хозяйстве Центрального экономического района // Сборник научных трудов ВНИИЭСХ. – С. 209–210.
- ⁹² Противопоставление экономической и социальной сфер само по себе неестественно. Однако реальность была такова, что экономические вопросы находились в исключительной компетенции управляющих органов. Рядового колхозника мало интересовало развитие подсобных производств на селе, поскольку оно не влияло непосредственно на уровень его благосостояния.
- ⁹³ Антипов В.Д. Указ. соч. – С. 89.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ ГАСО. – Ф. 6. – Оп. 20. – Д. 49.
- ⁹⁶ Там же. – Оп. 4. – Д. 202. – Л. 162; ГАСО. – Ф. 2440. – Оп. 7. – Д. 883. – Л. 34.
- ⁹⁷ ГАСО. – Ф. 2440. – Оп. 7. – Д. 258. – Л. 144.
- ⁹⁸ Попов В.П. Указ. соч. – С. 212.
- ⁹⁹ ГАСО. – Ф. 2440. – Оп. 7. – Д. 883. – Л. 170б.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же. – Л. 25об.

¹⁰² Там же. – Л. 44.

¹⁰³ ГАБО. – Ф. 1649. – Оп. 3. – Д. 37. – Л. 208.

¹⁰⁴ ГАСО. – Ф. 2440. – Оп. 7. – Д. 883. – Л. 24об.

¹⁰⁵ ГАБО. – Ф. 1649. – Оп. 3. – Д. 37. – Л. 208.

¹⁰⁶ Калужская область за 70 лет. – С.61.

¹⁰⁷ Казаков А.И. Миграция сельского населения: причины, характер, интенсивность, направленность// Сельское хозяйство и крестьянство Нечерноземья в период строительства социализма. – С.61.

¹⁰⁸ Ферцев П.К. Стирание социально-классовых различий между колхозным крестьянством и рабочими совхозов в период строительства коммунизма// Социологическое изучение села: социальная структура, труд, управление. – М., 1968. – С.79.

¹⁰⁹ ГАБО. – Ф. 6. – Оп. 6. – Д. 102. – Л. 159.

¹¹⁰ Там же. – Л. 160.

¹¹¹ Казаков А.И. Указ. соч. – С. 61.

¹¹² Там же.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Центральный экономический район: общая характеристика и система расселения	12
Сельское хозяйство Центра и основные направления экономической политики	24
Материальное положение крестьян	54
Заключение	80
Примечания	84